

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра мировой литературы и методики ее преподавания

ВАЛЕХМАТОВА ЮЛИАНА АЛЕКСАНДРОВНА

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**УТОПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОЗЕ Б.П. ЕКИМОВА:
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Направление подготовки 44.04.01. Педагогическое образование
Направленность (профиль) образовательной программы
Филология в социокультурном пространстве

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ
Зав. кафедрой мировой
литературы и методики ее
преподавания, канд. филол. наук,
доцент Полуэктова Т.А.

Руководитель
Доктор филол. наук, профессор
Ковтун Н.В.

Дата защиты

13.12.2025
Обучающийся Валехматова Ю.А.

Оценка

отлично

Красноярск, 2025

Согласие
на размещение текста выпускной квалификационной работы
обучающегося

В ЭБС КГПУ им. В.П. Астафьева

Я,

Валехматов Александровна

(фамилия, имя, отчество)

Разрешаю КГПУ им. В.П. Астафьева безвозмездно воспроизводить и размещать (доводить до общего сведения) в полном объеме и по частям написанную мною в рамках выполнения основной образовательной профессиональной программы выпускную квалификационную работу магистра

на тему:

« Утопические мотивы в прозе
Б.Л. Екимова: литературоведческий и
методический аспекты »

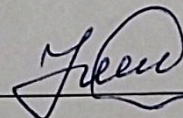
(название работы)

(далее ВКР) в сети Интернет в ЭБС КГПУ им. В.П. Астафьева, расположенной по адресу <http://elib.kspu.ru>, таким образом, чтобы любое лицо могло получить доступ к ВКР из любого места и в любое время по собственному выбору, в течение всего срока действия исключительного права на ВКР.

Я подтверждаю, что ВКР написана мною лично, в соответствии с правилами академической этики и не нарушает прав иных лиц.

22.12.2025

(дата)

(подпись)

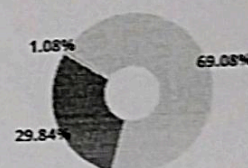
СПРАВКА

о результатах проверки текстового документа
на наличие заимствований

Автор работы:
Самоцитирование
рассчитано для:
Название работы: 2025_11_30_05_48_02_692bda924ab9b.docx
Тип работы:
Подразделение:

РЕЗУЛЬТАТЫ

СОВПАДЕНИЯ	29.84%
ОРИГИНАЛЬНОСТЬ	69.08%
ЦИТИРОВАНИЯ	1.08%
САМОЦИТИРОВАНИЯ	0%
ИИ-КОНТЕНТ	0%

ДАТА ПОСЛЕДНЕЙ ПРОВЕРКИ: 2025-11-30 05:48:11

Модули поиска: ИПС Адилет, Библиография, Сводная коллекция ЭБС, Интернет Плюс, Сводная коллекция РГБ, Переводные заимствования (RuEn), Переводные заимствования по eLIBRARY.RU (EnRu), Переводные заимствования по Интернету (EnRu), Переводные заимствования по издательства Wiley (RuEn), eLIBRARY.RU, СПС ГАРАНТ, Модуль поиска "КГАУ", Медицина, Диссертации НББ, Перефразирования по eLIBRARY.RU, Перефразирования по Интернету, Патенты СССР, РФ, СНГ, СМИ России и СНГ, Шаблонные фразы, Кольцо вузов, Издательство Wiley, Переводные заимствования, Коллекция НБУ, Перефразирования по коллекции издательства Wiley, Перефразирования по СПС ГАРАНТ: аналитика, СПС ГАРАНТ: аналитика, СПС ГАРАНТ: нормативно-правовая документация, Интернет

Работу проверил: ФИО проверяющего

Дата подписи:

22.12.25

Подпись проверяющего

Чтобы убедиться
в подлинности справки, используйте QR-код,
который содержит ссылку на отчет.

Ответ на вопрос, является ли обнаруженное заимствование
корректным, система оставляет на усмотрение проверяющего.
Предоставленная информация не подлежит использованию
в коммерческих целях.

ОТЗЫВ

научного руководителя

доктора филол. наук, профессора Н.В. Ковтун

о магистерской диссертации

ВАЛЕХМАТОВОЙ ЮЛИАНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ

на тему: **УТОПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОЗЕ Б.П. ЕКИМОВА:
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

КГПУ им. В.П. Астафьева

филологический факультет

Направление подготовки 44.04.01. Педагогическое образование

Направленность (профиль) образовательной программы

Филология в социокультурном пространстве

№	Параметры оценивания	высокая	средняя	слабая	Отсутствует
1.	Четкость, логичность структуры работы и изложения материала	+			
2.	Знакомство с основными источниками по теме	+			
3.	Способность к самостоятельному анализу, выводам и обобщениям		+		
4.	Степень вхождения в проблематику, владение методологией исследования		+		
5.	Достоверность результатов исследования	+			
6.	Филологическая эрудированность и научный стиль изложения	+			
7.	Количество и качество анализа художественного материала	+			
8.	Глубина раскрытия темы	+			
9.	Личный вклад в раскрытие темы		+		
10.	Ответственность в отношении к работе	+			

Комментарии научного руководителя

Диссертация выполнена на хорошем профессиональном уровне, безусловно, будет востребована в поле академических исследований и на уровне школьных занятий по литературе. У работы есть перспектива, нужно расширить спектр авторов-традиционалистов, которые с разных точек зрения ведут разговор о судьбе *Хозяина на родовой земле, сельского жителя* в реальности XXI века.

Рекомендация научного руководителя

Рекомендую допустить к защите.

доктор филол. наук, профессор
Н.В. Ковтун

КГПУ им. В.П. Астафьева

22. 12. 2025 г.

РЕЦЕНЗИЯ

на магистерскую диссертацию

Валехматовой Юлии Александровны

УТОПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОЗЕ Б.П. ЕКИМОВА: ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Целью работы Ю.А. Валехматовой был поиск глубинной связи между идеями, героями классических традиционалистов, в творчестве которых оформляется утопия «светлого прошлого», и персонажами Б.П. Екимова. Методология исследования носит комплексный характер, подразумевающий взаимодействие литературно-исторического и структурно-типологического принципов, кроме того, были использованы культурно-исторический, структурно-типологический, сравнительно-сопоставительный методы.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования в лекционных курсах и семинарах по истории современной русской литературы, в спецкурсах и спецсеминарах, посвященных литературе русского зарубежья, а также в элективных курсах школьной программы по литературе. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы.

Первая глава *Утопия как социокультурный феномен* посвящена рассмотрению различных подходов к изучению утопии, разграничены понятия *утопия*, *утопизм* и *утопический*, отдельно описан феномен литературной утопии как в целом, так и применительно к деревенской прозе.

Во второй главе *Утопические элементы в творчестве писателей-традиционалистов* исследователь рассматривает пути развития деревенской прозы, акцентируя утопическую составляющую в творчестве писателей. Автор соотносит мотивы, характерные для направления в целом, с конкретными текстами Б. Екимова.

В третьей главе *Утопические мотивы и образы в рассказах Б. Екимова: своеобразие художественного решения, символика* Ю.А. Валехматова рассматривает рассказ «Холюшино подворье», повести «Пастушья звезда», «Пиночет» через оптику устоявшихся в современном литературоведении представлений об утопии, утопизме и утопическом.

По работе могут быть высказаны следующие замечания.

1. Имеются нарушения правил оформления.
2. Прослеживается некоторая зависимость от научной концепции научного руководителя.
3. Глава 2 носит реферативный характер.

Хотелось бы задать автору работы вопросы, которые носят уточняющий характер.

1. Каковы перспективы исследования утопических мотивов в прозе современных авторов?

Результаты исследования в полной мере отражены в двух публикациях, включенных в РИНЦ. Отдельно стоит отметить жесткую логику

исследовательского сюжета, что является несомненным достоинством работы. Цель, задачи, объект и предмет исследования соответствуют заявленной теме и проблематике. Выбранные методы исследования обоснованы. Практическая часть работы в целом аргументирована.

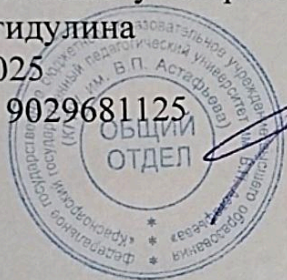
Представленная диссертация соответствует требованиям, предъявляемым к данному типу работ, а соискатель заслуживает высокой оценки и присуждения ему искомой степени магистра по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева»

Т.А. Загидулина

15.12.2025

Тел: +7 9029681125

Подпись Загидулиной Т.А. заверяю

Начальник общего отдела Г.И. Мосякина

КГПУ им. В.П. Астафьева

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	2
ГЛАВА 1. УТОПИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН	9
1.1. Осмысление понятий «утопия», «утопизм» и «утопический»	9
1.2 Литературная утопия: жанровое своеобразие.....	15
1.3. Становление и развитие утопической традиции в «деревенской прозе»	23
Выводы по первой главе	28
ГЛАВА 2. УТОПИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ- ТРАДИЦИОНАЛИСТОВ	30
2.1. Пути развития «деревенской прозы»	30
2.2. Борис Екимов – последний «деревенщик»: путь автора	33
Выводы по второй главе	37
ГЛАВА 3. УТОПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В РАССКАЗАХ Б.П. ЕКИМОВА: СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЕШЕНИЯ, СИМВОЛИКА.....	38
3.1. Утопические мотивы в повести «Пастушья звезда»	38
3.2. Утопический герой в рассказе «Холюшино подворье»	45
3.3. Повесть «Пиночет»: реализм и утопизм в описании жизни русской провинции.....	52
Выводы по третьей главе	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	59
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	65
Методические аспекты изучения творчества Б.П. Екимова в школе	66
Разработка внеурочного мероприятия в 11 классе по изучению творчества Б.П. Екимова.....	68
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	80

РЕФЕРАТ

Магистерская диссертация, 85 с., 61 источник.

Ключевые слова: УТОПИЯ, МЕТАЖАНР, ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА, ТРАДИЦИОНАЛИЗМ, Б.П.ЕКИМОВ, ХОЛЮШИНО ПОДВОРЬЕ, ПАСТУШЬЯ ЗВЕЗДА, ПИНОЧЕТ.

Актуальность магистерской диссертации определяется тем, что утопия в русской литературе обладает свойством аккумулировать идеи, ожидания, проекты целой эпохи, в которую она создается. Утопия и сегодня является одним из активно развивающихся метажанров. Выступая важнейшим инструментом исследования духовного мира личности, утопия понимается как интенция, соотносимая с человеческим желанием и мечтой. *Научная новизна* - творчество Б.П.Екимова анализируется как составляющая глобальной утопии «светлого прошлого» традиционалистов. Выявлены специфика понимания автором утопического проекта «рая на земле», особенности антропологической модели автора (от образа Золотого Хозяина –Холюши к Пиночету).

Объект исследования: тексты Б.П. Екимова, маркированные утопическими мотивами (образ рая на земле, специфика героев).

Предмет исследования: эволюция утопических мотивов и образов в знаковых текстах Б.П. Екимова.

Материалы исследования: рассказ Б.П. Екимова «Холюшино подворье», повести «Пастушья звезда» и «Пиночет».

Цель работы – найти глубинную связь между идеями, героями классических традиционалистов, в творчестве которых оформляется утопия «светлого прошлого», и персонажами Б.П. Екимова на примере его знаковых текстов – «Холюшино подворье», «Пастушья звезда», «Пиночет».

Методы исследования: системный подход к явлениям литературы, предполагающий взаимодействие литературно–исторического принципа со структурно–типологическим. Также были применены общенаучные методы: сравнительно-сопоставительный метод, метод анализа и синтеза.

ABSTRACT

Master's thesis, 85 pages, 61 sources.

Keywords: UTOPIA, METAGENRE, VILLAGE PROSE, TRADITIONALISM, B.P. EKIMOV, KHOLYUSHINO PODVORIE, SHEPHERD'S STAR, PINOCHET.

The relevance of the master's thesis is determined by the fact that utopia in Russian literature has the ability to accumulate ideas, expectations, and projects of an entire era in which it is created. Today, utopia is one of the actively developing meta-genres. As an essential tool for exploring the spiritual world of an individual, utopia is understood as an intention related to human desires and dreams. The scientific novelty of the study lies in analyzing the works of B. P. Yekimov as a component of the global utopia of the "bright past" of traditionalists. The author's understanding of the utopian project "Paradise on Earth" and the author's anthropological model (from the image of the Golden Master, Kholusha, to Pinochet) have been identified.

The object of research is B.P. Yekimov's texts marked by utopian motifs (the image of paradise on earth and the specifics of the characters).

The subject of the study is the evolution of utopian motifs and images in the iconic texts of B.P. Yekimov.

Research materials: B.P. Yekimov's short story «Kholushino Podvorie», the novellas «Shepherd's Star» and «Pinochet».

The purpose of this work is to find a deep connection between the ideas and characters of the classical traditionalists, whose works form the utopia of a "bright past," and the characters of B.P. Yekimov, as exemplified by his iconic texts such as «Kholushino Podvorie», «Shepherd's Star» and «Pinochet».

Research methods: a systematic approach to literary phenomena, which involves the interaction of the literary-historical principle with the structural-typological principle. General scientific methods were also used, including the comparative-comparative method and the method of analysis and synthesis.

ВВЕДЕНИЕ

Современное литературоведение проявляет большой интерес к проблеме утопии в самых разных отношениях, ученые, очень непохожие друг на друга по исследовательскому амплуа, находят интерес в изучении утопии и как интенции человеческого сознания, и как литературного метажанра. Результатом данного интереса явилось появление большого количества работ, в которых нашли отражение столь же отличные друг от друга пути изучения утопической проблематики.

Утопия как общеинтеллектуальный дискурс, содержание которого выявляется через противостояние некой совокупности приемов, как тип мышления, как интенции, имманентно присущей человеческому сознанию в качестве мечты, желания, не только не сдаёт позиции, но обнаруживается и в классических, и в актуальных текстах. Содержащиеся в текстах утопий представления об идеале и «совершенном устройстве» способны стать маяком, чей свет необходим заблудившимся в океане социального. О. Уайльд говорил, что нет смысла в карте, на которой нет места для утопии; на берега этой страны «всегда высаживалось человечество» [Смирнова, 2011, с. 31], чтобы, осмотревшись, найти новое место обитания.

Современная утопия не похожа на образцы классических утопических текстов: сегодня ее интересуют проблемы внутреннего мира человека, а не экзотические острова и прекрасные миры с мельчайшими подробностями их существования, сегодня утопические проекты не отличаются избыточностью деталей, или масштабом описаний подробностей, чем славилась классическая утопия. Начиная с XX века, утопию отличает подчеркнутый интерес к дню сегодняшнему, именно современные проблемы интересуют ее больше всего. Отчетливо прослеживается смещение акцентов с отдаленного на насущные задачи сегодняшнего дня, с общего на частное, с мира – на человека. «Утопия XX века утратила всеохватность, замкнутость, гармонию формы, но обрела пластичность и динамизм» [Ковтун, 2022, с. 10]. Все это повлекло изменения и структуры

утопии, и ее героя, коим оказывается не великий мудрец и провидец, которому подвластна Истина, а часто просто «маленький человек», которого свои собственные проблемы насущные занимают куда больше, чем тайны мироздания, чем в целом и объясняется «скромность» планов современной утопии.

Интерес к утопии всегда обостряется в кризисные времена, поскольку утопия дает простор мысли разочарованному в текущих реалиях творцу распоряжаться судьбами мира и человечества по своему усмотрению. Весьма благоприятная почва для распространения утопических идей возникла в России во второй половине 1960-х годов, в так называемый «постоттепельный» период, когда возрождение традиционных ценностей виделось одним из вариантов исхода: именно эти начала отражала «деревенская проза». Писатели-деревенщики, преодолев каноны соцреалистического метода, ориентируются в своих произведениях на национально значимые проблемы: они видят своей задачей необходимость отстоять идею русской самобытности, раскрыть духовные устои народной жизни, особенности характера русского человека, колорит народной культуры. Таким образом, очевидно, что данная проблематика до сих пор остаётся не только научно-интересной, содержащей в себе возможность иных, неразработанных или малоисследованных, подходов, но и весьма актуальной.

Актуальность магистерской диссертации определяется тем, что утопия в русской литературе обладает свойством аккумулировать идеи, ожидания, проекты целой эпохи, в которую она создается. Утопия и сегодня является одним из активно развивающихся метажанров. Выступая важнейшим инструментом исследования духовного мира личности, утопия понимается как интенция, соотносимая с человеческим желанием и мечтой. Соответственно, представленная к защите работа является актуальной и перспективной, а обозначенные в ней вопросы могут стать частью дальнейших исследований.

Научная новизна состоит в том, что творчество Б.П.Екимова анализируется как составляющая глобальной утопии «светлого прошлого» традиционалистов.

Выявлены специфика понимания автором утопического проекта «рая на земле», особенности антропологической модели автора (от образа Золотого Хозяина – Холюши к Пиночету).

Объектом исследования стали тексты Б.П. Екимова, маркированные утопическими мотивами (образ рая на земле, специфика героев).

Предметом исследования является эволюция утопических мотивов и образов в знаковых текстах Б.П. Екимова.

Материалом исследования стали рассказ Б.П. Екимова «Холюшино подворье», повести «Пастушья звезда» и «Пиночет».

Цель работы – найти глубинную связь между идеями, героями классических традиционалистов, в творчестве которых оформляется утопия «светлого прошлого», и персонажами Б.П. Екимова на примере его знаковых текстов – «Холюшино подворье», «Пастушья звезда», «Пиночет».

Цель работы определила *задачи исследования*:

1. Изучить понятие «утопии» и ее особенности как метажанра.
2. Исследовать становление и развитие утопической традиции в «деревенской прозе».
3. Выявить особенности художественного решения образа утопического героя в рассказе «Холюшино подворье».
4. Определить своеобразие утопических мотивов в повести «Пастушья звезда».
5. Установить специфику утопизма в описании жизни русской провинции на примере повести «Пиночет».

Степень изученности проблемы. Утопия всегда была темой для дискуссий, предметом споров и критики. Интерес к утопии актуализировался в 1960-е годы в трудах многочисленных исследователей. О народных социальных и утопических легендах писали А. Клибанов в монографии «Народная социальная утопия в России» и К. Чистов в его работе «Русская народная утопия». Жанровые особенности утопии стали предметом исследований таких ученых как Л. Геллер [13], Р.А.Гальцева [11], Л. Мамфорд, Г. Морсон, которых объединяет

убежденность в том, что литературный процесс второй половины XX века прошел под знаменем отсутствия позитивной утопии. История развития утопии выступила предметом интереса В.Г. Волгина, А. Свентоховского, А. Святловского, К. Кумаро, вопросы типологии утопии исследуются Э.Я. Баталовым [3], Ф.Е. и Ф.П. Мануэль, Г. Негли и Дж.Патриком, Е.Шацким [60], В.П. Шестаковым [61], А.И.Смирновой [48, 49], Е.Л.Чертковой [59], а проблема утопического идеала – Е.С.Долгина [14], Н.В.Ковтун [25, 26], А.К. Котлов [32].

Важнейший вклад в развитие знания об утопическом дискурсе в традиционалистской прозе внесла Н.В. Ковтун: в монографии ««Деревенская проза» в зеркале утопии» анализируются проблемы становления, развития утопической традиции в России, анализу утопического дискурса конца XIX – XXI века посвящено издание «Утопический дискурс в русской культуре конца XIX – XXI века»; о присутствии утопического дискурса в прозе традиционалистов ученый плодотворно размышляет также в монографии «Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия». Необходимо сказать о таких исследователях как А.Большева, А. Матазанова, которые стремятся объяснить художественные особенности традиционализма.

Из последних работ важно отметить и монографию А. Разуваловой «Писатели-деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов», где рассматриваются социальные и культурные обстоятельства, повлиявшие на особенности самопрезентации и риторики позднесоветских неопочвенников.

Художественные особенности представленного материала, взаимосвязанность утопической проблематики практически со всеми сторонами общественной жизни определили методологическую основу исследования как системный подход к явлениям литературы, предполагающий взаимодействие литературно–исторического принципа со структурно–типологическим. Также были применены общенаучные методы: сравнительно-сопоставительный метод,

метод анализа и синтеза. Совокупность этих методов позволила решить задачи и реализовать цель работы.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что данная работа продолжает анализ утопической мысли как интенции, присущей человеческому сознанию в качестве мечты, желания. Практическая значимость работы определяется тем, что систематизированный в ней материал может быть использован как основа для дальнейшей разработки проблематики утопического дискурса в литературоведческом аспекте. Также использование материалов возможно для проведения уроков литературы в школах, на спецкурсах и спецсеминаров по литературе.

Апробация результатов и публикации по теме диссертации. Основные положения предлагаемой магистерской диссертации изложены в двух статьях «Утопия как социокультурный феномен», «Современность архаики, или о чем пеклись художники-традиционалисты (на материале прозы Б. Екимова)». Опубликовано статьи в сборниках по итогам конференций: XIV Международной научно-практической конференции, посвящённой Дню славянской письменности и культуры «Актуальные проблемы современной филологии» (г. Красноярск, 14 мая 2025 г.), а также Международной научной конференции «Традиционализм и авангард в фокусе современной литературы» (г. Санкт-Петербург, 5 июля 2025 г.).

Структура магистерской диссертации. Работа состоит из введения, трех глав и заключения. Библиографический список использованной литературы включает 61 наименование. В Приложении приведены методические материалы к проведению внеурочного занятия для учащихся 11 классов по материалам исследования.

ГЛАВА 1. УТОПИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

1.1. Осмысление понятий «утопия», «утопизм» и «утопический»

Историко-философская литература не содержит однозначного определения категории «утопия», отечественные и западные толковые словари также не предлагают устоявшегося значения этого термина.

Термин «утопия» обладает таким набором потенциальных значений и подтекстов, что сводить его к какому-либо одному из них просто бессмысленно. «Каждая научная дисциплина видит в утопии свое подобие, собственную тень, так сказать, свое альтер эго. Здесь происходит пересечение и взаимопроникновение психологии, социологии, литературы, политической мысли и прочих областей гуманитарного знания» [Клеес, 2018, с. 150].

Фрэнк и Фрици Мэнюэл, авторы признанных трудов по утопии, говорят о так называемой «склонности к утопии», формируемой вокруг семи основных «созвездий». По их мнению, «сердце утопической фантазии» – «миф о рае на земле». Делая акцент на «плюрализме мнений», они подчеркивают «частичную обоснованность» многообразия подходов к теме без приоритета какого-либо одного из них [Клеес, 2018, с. 150].

«Утопия не является чем-то конкретно очерченным, что поддается определению и изучению» [Долгина, 2009, с. 2], – такую причину несостоятельности попыток дать законченное определение утопии указывает американский историк Л.Мэмфорд. В трудах современного исследователя утопии Э.Я.Баталова невозможность сформулировать единое определение связывается с различными подходами к методологии исследований: в первом случае утопия описывается как генетическая особенность и ее происхождение выводится на первое место; вторая категория исследователей в основу определения кладет ее социальные функции; третьи же фокусируются на ее структурных особенностях и формальных признаках. «В современной социологии и философии отсутствует общепризнанная концепция утопии, а ее генезис, структура и функции по-прежнему остаются предметом разногласий и

дискуссий не только между буржуазными исследователями и марксистами, но и внутри буржуазной социологии и философии», – к такому выводу приходит Баталов [Долгина, 2009, с. 2].

Таким образом, при кажущейся на первый взгляд ясности и прозрачности понятия «утопия», дать закрытое определение этому термину достаточно сложно. В современной научной и, в частности, социологической литературе слово «утопия» употребляется в самых различных значениях, в абсолютно разных контекстах и с разными эмоциональными окрасками. Попробуем все же разобраться с категориями «утопия», «утопизм» и «утопическое сознание» для целей нашего исследования.

Изначальный смысл термина связан с представлением об идеальном мироустройстве, о совершенном обществе. Известно, что термин «утопия» ведет свое происхождение от греческого «οὐ» – нет и «τόπος» – место, буквально: место, которого нет. Таково было первоначальное значение термина «утопия», как его впервые употребил Томас Мор. Другое истолкование этого слова идет от греческого «εὖ – лучший, совершенный и – «τόπος», т. е. совершенное место, благословенная страна. Оба эти истолкования широко используются в мировой литературе [Шестаков, 2012, с. 7].

Один из признанных экспертов-исследователей утопий Е.Шацкий в своем труде «Утопия и традиции», однако, говорит о несостоятельности определения утопии исключительно как «несбыточной мечты» или химеры, утопия – это не антоним реальной действительности. «При всей распространенности такое понимание утопии и утопичности совершенно не гарантирует фиксирования в нем сущностных характеристик феномена, опровергается условностью и относительностью несбыточности, нереальности, исключительной фантастичности тех или иных утопических учений и идей», – замечает ученый [Шацкий, 1990, с. 21]. «В современном мире полно вещей, которые впервые пришли на ум именно утопистам. Впрочем, кто знает, не легче ли было бы отыскать в современной жизни замыслы давних утопистов, чем их трезвых критиков», – продолжает он [Шацкий, 1990, с. 21].

Отечественный исследователь утопии и утопизма В.Г.Хорос пишет о том, что «утопия отражает важные социальные и духовные потребности людей, служит существенной формой выражения интересов социально–исторических субъектов, а значит, играет значительную роль в социальном целеполагании и практике индивидов» [Долгина, 2009, с. 6], а значит понимание ее как несбыточные мечтания не имеет под собой достаточных оснований.

В филологических работах встречается трактовка «утопии» как обозначение различных теорий, представлений и художественных воплощений неких альтернативных укладов общества, зачастую полностью отличных от существующих [Клеес, 2018, с. 148], что, по мнению О.А.Павловой, может привести к подмене предмета исследования и, как следствие этого, собственно литературоведческого анализа – социологическим, когда вместо проблем поэтики художественного текста анализируется только социокультурная модель или социокультурная мифологема идеального мира, отображенная в произведении [Павлова, 2004, с. 32].

Считаем необходимым внести на данном этапе написания работы терминологическое уточнение, связанное с различением терминов «утопия» и «утопизм». Под «утопией» очень часто понимают все то желаемое, чего невозможно достигнуть: эпитетом «утопический» часто награждаются несбыточные мечты, неосуществимые фантазии и нереальные грезы, как будто «желаемое» и «утопия» являются синонимами. Если вышесказанное верно, то утопия – это всякая мечта, всякое нетрадиционное, непривычное утверждение, выражающее нечто практически неосуществимое, хотя и весьма желанное, как следствие, утопия, понимаемая как утопизм, подвергается значительному упрощению и тривиализации [Шестаков, 2012, с. 7].

Итак, несмотря на то, что рассматриваемые понятия, как мы уже отметили, часто не различаются, рядом исследователей все же предприняты попытки по их разграничению, эти рассуждения мы найдем в научной литературе.

В.П.Шестаков говорит о необходимости разграничения понятий «утопический» и «утопизм» в своей статье «Понятие утопии и современные

концепции утопического»; под «утопизмом» он предлагает понимать «нечто абстрактное, умозрительное, нереальное» [Шестаков, 2012, с. 151], Ч.С. Кирвель понимает под утопией конкретное произведение [Кирвель, 1989, с. 190], а Э.Я.Баталов под «утопизмом» понимает «способ выражения (проявления) утопического сознания, способ теоретической и практической деятельности в соответствии с императивами последнего» [Баталов, 1982, с. 33]. Действительно, между утопией и утопизмом есть существенные различия: утопия всегда была формой социальной мысли, утопизм далеко не всегда социален.

Утопии, как показывает история, часто реализуются. Как писал Оскар Уайльд в эссе «Судьба человека при социализме», «карта мира, на которой не найдется места для утопии не стоит даже того, чтобы на нее смотрели. Это единственная страна, подходящая для человечества. А когда человечество обоснуется в ней, оно будет искать лучшего и если найдет, опять отправится в путь. Прогресс – это реализация утопий» [Шестаков, 2012, с. 7], и, как справедливо вторит ему Е.Шацкий, «в современном мире полно вещей, которые впервые пришли на ум именно утопистам. Впрочем, кто знает, не легче ли было бы отыскать в современной жизни замыслы давних утопистов, чем их трезвых критиков» [Шацкий, 1990, с. 21].

Утопизм потому и является утопизмом, что он нереализуем, он может быть и не связан с образом будущего, тогда как утопия всегда несет в себе определенный проект, определенный образ будущего. Утопизм – программа действий, план по преобразованию действительности. Как пишет в своей статье «Утопия, утопизм, утопическое сознание – основные смыслы» Ю.Д.Смирнова: «Утопизм жаждет быть реализованным, он “обременен” этой жаждой; он призывает, убеждает, требует, ведет за собой. Утопизм “кричит во весь голос”, поэтому его знают все, утопия – не то. Утопия «тихо, но, чтобы все слышали», sotto voce заявляет о своем несогласии, критикует сложившееся положение вещей. Кто обладает тонким слухом, тот услышит» [Смирнова, 2011, с. 143].

Эпохи социально-исторических катастроф и экономических кризисов отличают развитие и подъем утопической мысли, что определяется

кардинальными и подчас радикальными политическими и социальными перестановками; а более благоприятной почвы для рождения утопических проектов, чем послереволюционные периоды, представить сложно, ведь именно эти периоды характеризуются социальной эйфорией с лелеянием иллюзий и надежд. Не меньшее влияние на утопическую мысль оказывают и научные перевороты, географические открытия, технические революции, которые несут в себе не меньший комплекс сложностей и проблем, чем социально–политическая жизнь. «Влияние утопий на человеческую историю трудно переоценить, – пишет Е.Л.Черткова. – По силе воздействия на людей, по своим мобилизационным возможностям все социальные теории меркнут рядом с утопией. Как показывает история, в революционные периоды самые радикальные утопии получают наибольшую поддержку» [Черткова, 2001, с. 48].

Немецкий философ и социолог М.Хоркхаймер говорит о том, что каждая утопия имеет *две отличительные характеристики*: критика существующего и предположение того, что должно существовать [Долгина, 2009, с. 6]. Американский ученый Л.Сарджент характеризует исследуемую категорию как «подробное и последовательное описание воображаемого, но локализованного во времени и пространстве общества, построенного на основе альтернативной социально–исторической гипотезы и организованного – как на уровне институтов, так и на уровне человеческих отношений – совершеннее, чем то общество, в котором живет автор» [Долгина, 2009, с. 6].

Утопия не просто «уводит» человека от реальности, она строит фундамент и конструкции для претворения грез в реальность. Утопия не домысливает, не намекает, в ней нет недосказанностей и полутонов, она дает конкретные и однозначные интерпретации. Авторы утопий не формируют идеальный мир общими фразами и абстрактными рассуждениями, они описывают детали, которые свидетельствуют об изобилии, служат доказательством счастливой жизни. «Утопист есть всякий, кто старается придумать совершенную социальную организацию и при этом берет за точку исхода какой-нибудь отвлеченный принцип», – так заключал Г.В.Плеханов.

Точкой отсчета в осмыслении утопии должно стать тотальное несогласие утописта с действительностью, с миром «как он сейчас есть», разработка и постулирование определенной модели общества и образа социальной жизнедеятельности как альтернативы реальному обществу, порядку вещей и образу жизни. Неприятие утопистом социально-исторической действительности, сложившихся общественных отношений, форм государства и прочего как несоответствующих, точнее, полностью противоречащих тем представлениям о них, которые имеются у него в сознании, порождает утопию. «Утопия, – пишет Е.Шацкий, – появляется тогда, когда в человеческом сознании разверзается пропасть между миром, каков он есть, и миром, который можно вообразить» [Шацкий, 1990, с. 34].

Поиски смысла бытия, ценностей мира – вот приоритеты утопии, которая в высшей степени не безразлична к смыслу человеческой жизни. Утопическое сознание обращено к конструированию такого бытия, которое воспринимается как высшая ценность и является лучшим и возможным. Здесь кроется основное отличие утописта от двигателей реформ, которые видят целью корректировки существующих социальных отношений, а утопист ратует за их полное разрушение и замену на лучшие. При этом утопия – это как раз тот «случай», когда ее приверженец дает «волю мышлению в чувственных образах и представлениях», когда «всеобщее–необходимое» в своем непосредственном виде «переводится» на «язык» особенного, частного, единичного [Долгина, 2009, с. 6]. Стремление к предельной образной наглядности, дидактизму и педантизму в изложении деталей – характерные черты утопии.

«Идеальное» и «самое совершенное» общество – вот те понятия, которые соответствуют сущности предлагаемых авторами утопий описаний общественного устройства, именно эти характеристики подчеркиваются при формулировании определений категории «утопия» как в энциклопедических источниках, так и в специальной литературе. «Утопия – изображение идеального общественного строя, лишенное научного обоснования», – такое определение дает нам «Новейший философский словарь» [Грицанов, 1998, с. 896], а

«Философский энциклопедический словарь» [Философский энциклопедический словарь, 2009, с. 568] сообщает, что утопия – это «страна, которой нет»; течение мысли, изображающее идеальное состояние совместной жизни людей, преимущественно с гуманитарно–коммунистической окраской, произвольно сконструированный образ (идеал) желаемого общества».

Основываясь на вышеизложенном можем заключить, что утопия имеет следующие отличительные особенности:

1. Противопоставление действительности идеалу, наиболее развитой и совершенной модели общественного устройства или проекту преобразования какой–либо отдельной сферы социальной жизни, в виде предела этого развития и совершенства, в виде определенного общественного абсолюта. Прекрасно об этом пишет В.А.Чаликова в своем труде «Утопия и утопическое мышление: антология зарубежи»: главное в утопии – это «проблема границы и в географическом, и в правовом, и в нравственном, и в политическом смысле, да и просто в житейском» [Чаликова, 1991, с. 7].

2. Утопия в культуре олицетворяет некий смысловой горизонт или ориентир некоего индивидуального или коллективного идеала. При этом важно понимать, что утопия – это не финал, это цель, которая определяет смысл развития каждой истории. Поскольку реализация целей и идеалов всегда сопряжена с будущим, то миссия утопии – «...сообщение человеку представлений о жизни в модусе возможного, специфической области жизни духа, где сила воображения, соединяясь с силой мышления, создает особую ценность культуры – ценность будущего» [Долгина, 2009, с. 19].

1.2 Литературная утопия: жанровое своеобразие

Данный раздел магистерской диссертации посвящен исследованию типологических черт утопии, составляющие основу этого самостоятельного жанрового явления, которое определяют ее устойчивые и повторяемые признаки. Определяя границы утопии, ее жанровую специфику, Н.В.Ковтун подчеркивает сложность, многоуровневость, недостаточную изученность

данной проблемы в современном литературоведении. «Исследователи утопического вынуждены констатировать: “не выяснены до сих пор границы этого явления, нет однозначного ответа на вопрос, что же такое утопия”; «условно то, что мы называем сегодня утопией, куда мы причисляем и примитивный фантастический роман, и социально-философские трактаты, и просто то, что считаем высококлассной художественной литературой». Неудачные попытки определения утопии с точки зрения устоявшихся жанровых критериев доказывают бесперспективность такого подхода. Сами ученые свидетельствуют, что определение «утопического» приобрело «множество значений, выходящих за пределы того, которое предложено книгой Мора» [Ковтун, 2009, с. 10].

В первую очередь выделим ключевые свойства утопии, которые формируют теоретическую значимость исследования данного метажанра:

– изображение идеального состояния общества в соответствии с точкой зрения ряда исследователей, которые соотносят утопию с совершенным миром, вычленив в утопии «сознательное либо неосознанное произвольное конструирование идеала» [Баталов, 1989, с. 19]; «позитивные» с точки зрения творца моменты реальности, взятые в своей отдельности и целостности, становятся строительным материалом для «лучшего из миров», который принципиально оппозиционен существующему [Ковтун, 2009, с. 10];

– масштабность, всеохватность, глобальность, описательность на основании трудов ученых, в фокусе внимания которых «всеохватность, позволяющую автору утописту рассказать все о своей утопии, об ее устройстве, о принципах организации ее жизни» [Чернышева, 1984, с. 311].

Утопия всегда носит описательный характер [Файзрахманова, 2010, с. 137]: данное утверждение принимаем как аксиому и иллюстрируем высказываниями таких исследователей как Э.Я.Баталова: «...утопия всегда статична, утопия всегда описание» и Ю.Латыниной: «...о правильном устройстве вещей нельзя повествовать его можно лишь описывать».

В основе утопического подхода к реальности – совокупность приемов и методов мышления, в ходе реализации которых и формируется утопический текст. Важнейшая особенность утопического сознания, сообщает Н.В.Ковтун «в онтологизации знания, постулировании идеального как безусловного и креативного, что исключает всякую возможность критического восприятия, в том числе самого творца и протагониста утопии» [Ковтун, 2009, с. 10]. Иные исследователи утопии выделяют в качестве самого устойчивого признака «...глобальный характер изображения искусственно сконструированного человеческого общества», - так пишет, например, Е.Н.Ковтун [Ковтун, 1999, с. 76].

Обозначенные признаки присущи любому утопическому тексту, именно они дают нам возможность рассуждать о том, что утопия имеет свою особую структуру, определяющуюся «важнейшими категориями масштабно-обобщенного характера, своего рода социопараметрами, раскрывающими суть сконструированного гипотетического социума (общества, государства) в целом» [Файзрахманова, 2010, с. 137]. Разнообразные формы утопии можно объединить воедино именно благодаря этим сквозным признакам, при этом представив ее как достаточно многоярусную конструкцию, вобравшую в себя философские, социальные, политические парадигмы, которые регламентируют структуру ее текста.

При этом мы должны понимать, что под влиянием разнообразных факторов структура литературной утопии приобретает структура литературной утопии под влиянием различных факторов *обретает жанровую гибкость и подвижность*. В ходе своего исторического развития метажанр утопии отходит от принципа описательности и всеохватности и стоит перед необходимостью трансформации функции героя, которые уже не просто наблюдатель.

Классическую структуру текста утопии образуют два ключевых персонажа, которые очерчиваются на фоне безликого утопического общества:

– рассказчик (нарратор), который выступает в роли проводника (в традиционной утопии он же выполняет функцию наставника);

– слушатель (наррататор), выступающий в роли путешественника.

Готовность к диалогу - вот что объединяет этих двух персонажей, и именно в рамках этого диалога вырисовываются «черты идеального мира, определенная заданность поведения, тенденциозность взглядов, отсутствие личностных качеств». Хочется подчеркнуть, что форма диалога является одним из существенных жанрообразующих факторов, который является и способом передачи информации, и определяет ход повествования и персонажную структуру произведения.

Главная отличительная особенность видится в том, что утопический наррататор абсолютно «прозрачен», он «выступает как функция – как медиатор между двумя мирами – реальным и идеальным» [Файзрахманова, 2010, с. 139]. Таким образом, становится очевидным, что утопия в ходе своего становления осуществила тотальное проектирование человека, который стал частицей социума.

Без ослабления внимания на социально значимых ориентирах в текстах утопии об идеальном обществе фокус внимания утопических текстов обращается к нравственно-этическим проблемам, которые связаны как с межличностными отношениями, так и внутренним миром человека, что приводит к смещению уровня ценностей идеального государства, которое уже не только некий социум с «неизменными представлениями о человеческой сущности», но и модель мироздания, формирование которой в руках человека. Это определяет трансформацию наррататора утопических текстов в героя-протагониста.

Обращаясь к отличительным особенностям утопических текстов отечественных авторов, то мы можем говорить о том, что их отличительной особенностью является *нарративность*. Как пишет И.П.Смирнов: «Русские утопические тексты отвечают русской утопической социальности: они заняты доведением утопических проектов до окончательного совершенства, они сталкивают одну утопию с другой, лучшей, отчего они, по преимуществу, не только дескриптивны, но и нарративны» [Смирнов, 1996, с. 179].

Если же объектом исследования станут образцы западноевропейской утопии, то здесь исследователи обращают внимание на такой признак как *риторичность*. Определяя утопию как риторический метажанр ученые говорят о том, что ее суть состоит в отсутствии той меры «внутренней свободы, которая позволила бы ему выйти за рамки логических пределов». А.Любимова в своем исследовании «Утопия и антиутопия: опыт жанровых дефиниций» пишет об этом свойстве утопии как «отражение той ментальной структуры, которая не может себя выразить по-иному» [Любимова, 1994, с. 93].

Содержательную сторону метажанра утопии определяет такой не менее важный признак, как *критичное отношение к действительности*, что прекрасно подчеркивает в своем исследовании Т.А.Каракан: «попытка построить идеальное общество проистекает из отрицания реального мира» [Каракан, 1992, с. 159].

Очевидно, что утопия определяется двумя параметрами:

- критика существующего;
- предположение того, что должно существовать.

То есть жанровая сущность литературной утопии проявляется через принцип двоемирия, первооснова которого прекрасно сформулирована Э.Я.Баталовым: «...утопия как бы удваивает мир, надстраивая над реальным материальным миром ирреальный мир мечты» [Баталов, 1989, с. 21].

«Внетекстовая реальность переводится в текст утопии по принципу соответствия избранной автором идее «наилучшего общественного устройства». Позитивные с точки зрения творца явления реальности, взятые в своей отдельности и целостности, становятся строительным материалом для», - пишет Н.В.Ковтун. Автор-утопист убежден, что будущее можно преобразить, вооружив настоящее совершенным проектом. В итоге утопия постоянно стремится к аннексии смежных областей: с одной стороны, она объединяет в тексте, картине мира различные типы мирообразов и способы словесного моделирования мира (сказку, пастораль, поучение, исповедь...), с другой – вторгается в область идеала и идеального [Ковтун, 2019, с. 7].

Реальный мир, который выступает объектом критики в утопических литературных текстах, принадлежит к настоящему времени; идеальный же – чаще будущее (утописту важно представить свою фантазию как имеющую перспективу осуществления в будущем), реже прошлое время (идеализация, присущая «высоким» жанрам прошлого, «официальная», связана с ценностями абсолютного прошлого, принципиально дистанцированного от профанного настоящего, которое становится объектом изображения «низких» жанров).

Вместе с временной локализацией двоемирия следует иметь в виду и пространственный тип соотнесения реального - идеального. Пространство вне того идеального государства, страны, города, мегаполиса, характеризуется беспорядком, хаосом, дисгармонией, а значит справедливо подвергаются критике автора. Отметим также и важные черты хронотопа утопии, к которым относятся пространственно-временная удаленность, устойчивость и изолированность. Отметим, однако, то «от идиллии утопию отличает жесткая рационализация, схематизм, внимание к технической стороне будущего, выраженной на языке художественных образов. Между утопией и идиллией нет четкого разделения: ведущие черты идиллии (сакрализация родных мест, природы, естественных законов жизни) проникает в архетипические модели утопии – утопия «сада» с ее «окультуривированной естественностью» [Ковтун, 2019, с. 7].

Рассуждая о своеобразии метажанра художественной утопии, нельзя не сказать о такой категории, как вымысел, который Т.Чернышева, например, определяет как «исторически закономерную» связь между утопией и художественной литературой, отмечая при этом, что писатели-утописты «были скованы уровнем миропонимания, но не анализом реальных возможностей, так как многие из них даже не верили в возможность осуществления мечты» [Чернышева, 1975, с. 24].

В работе «Структура утопии» А.Петручани вымысел определен как способ «литературного исследования» утопии, основу которой формируют «риторические приемы (диалог, противопоставление) и в первую очередь

достоверная мотивация, заставляющая читателя сопереживать», а художественная значимость вымысла состоит в «загадке всеобщего счастья» [Петручанни, 1991, с. 111], которое видится как ее ценностное, самодостаточное свойство.

Важными отличительными чертами вымысла являются такие категории как «намеренный отрыв от реальности, стремление сконструировать действительность по принципу «все должно быть наоборот»», свободный переход от реального к идеальному», - именно так пишет в своей монографии «Эсхатология и утопия: очерки русской философии и культуры» В.П.Шестаков..

Согласно выводам О.Павловой, отраженных в труде «Метаморфозы литературной утопии», вымыслу соответствуют два свойства:

- подобность научному эксперименту, благодаря которому достигается обосновании идеального мира с точки зрения логики и рациональности;
- феномен размытой условности, выражающий «намеренной, мистифицирующей читателя авторской игры реальностями – художественной и онтологической».

Таким образом, можно заключить, что литературная утопия как метажанр имеет некое «пограничное положение в литературном процессе в сопредельности собственно художественного сознания с научным и публицистическим», – пишет О.Павлова.

Н.В.Ковтун подчеркивает: «С момента своего «узаконивания» утопия балансирует на грани разнородных жанровых структур, что позволяет относить ее к разряду антижанров. В советском литературоведении утопия – жанр, отсюда некорректное употребление термина, ведь подразумеваются генетически и структурно разные жанры. Объединяет их утопический пафос, идеализация определенного типа общественного устройства. В подтексте всегда, в той или иной степени, ощущается полемика, опровержение какой-то общепринятой идеологии, что и заставляет исследователей употреблять термин «антижанр», пародийный жанр. Важнейшими характеристиками антижанра (метажанра)

Г.Морсон считает соответствие его образцов определенной традиции и набор конвенциональных способов их интерпретации».

Литературная утопия вбирает в себя различные дискурсивные практики, при этом важно подчеркнуть, что художественная сторона повествования является вторичной по отношению к социально-философскому содержанию утопического текста. Безусловно, ведь главная ценность утопии – побуждение к действию, некий алгоритм и руководство пользователя, проект к реализации, а не произведение искусства.

Истории хорошо знакомы примеры поиска земель обетованных, ради которых экспедиции выдвигались в путь, помним мы и деятельность утопистов социалистов, которые предпринимали.

«Русские утописты со свойственным им социально-политическим радикализмом готовы были немедленно или почти немедленно приступить к практической реализации своих замыслов, что они и делали», - подробности найдем в монографии Б.Ф.Егорова «Российские утопии: исторический путеводитель (2007).

Из вышеописанного мы видим, что в любом случае в основе каждой утопии лежит путь и способ реконструкции модели идеального мира. Поэтому, *наряду с синтетичностью, одной из интегральных характеристик литературной утопии являются ее моделирующие (или проектирующие) свойства.*

Классические тексты утопии позволяют обобщить структурные элементы метажанра, просвечивающие сквозь любую текстовую плотность:

- наличие картины совершенного общества;
- антиисторизм изображения;
- мифологический характер художественного пространства (отдельность, удаленность, целостность, гармоничность), наглядность, «всеохватность» и символизм описания идеала;
- устойчивые модели времени: циклическая / ахронная – для утопии и стадияльная – для ухронии (идеал соотносится с прошлым – принцип

«исторической инверсии» [Бахтин, 1975, с. 301] – или с будущим, но индифферентен настоящему);

- определенный тип конфликта (ретроспективный или отсутствует вовсе);
- постоянные версии героев (герой-наблюдатель и герой-проводник);
- «утопический герой» – alter ego автора, пророк, носитель положительного начала, «утопического пафоса»;
- условность интриги как способа постижения скрытого (часто эзотерического) смысла действия, данного в знаке, символе;
- характерная структура исходной ситуации и финала: сюжетное действие начинается толчком извне (сон-откровение, видение, встреча) и заканчивается вторжением иной силы (случай, пробуждение, катастрофа, трагическая ошибка);
- диалог в повествовательной структуре; «утопический язык»;
- устойчивая мотивная структура (мотивы путешествия, сна, истории рукописи, гармонизации хаоса в космос, всевластности знания, андрогинности).

1.3. Становление и развитие утопической традиции в «деревенской прозе»

Феномен «деревенской прозы» продолжает интересовать исследователей и в XXI веке: открытия и тупики этого течения в русской литературе стали объектом изучения таких ученых как Р.А.Гальцева [11], М.Геллер [13], Е.С.Долгина [14], Л.В.Овчинникова [43], особенностям «деревенской прозы» посвящены статьи и монографии И.В.Великановой [9], Н.В.Ковтун [25, 26, 28], М.В.Мокровой [42].

«Деревенская проза», давшая основание литературному традиционализму, с момента своего оформления вызывает серьезные идеологические споры. В ней видят то защитников патриархального уклада, то ратующих за возвращение к истокам национальной культуры, миру природы, заветам отцом. Отличительной особенностью XX века является противостояние двух полярных направлений: естественной, природной культуры и современной цивилизации, во главе угла которой – технологический прогресс, диджитализация, автоматизация, научный

прогресс. Эти направления разнятся моделью онтологии, имеют абсолютно диаметрально противоположное чувство времени (циклическое в первом случае и высокие скорости – во втором), отношением к человеку и личности. Официальная идеология, социальная повестка определяют отношение к «деревенщикам»: в 1950-е годы «деревенская проза», представители которой пишут вне контекста государственной идеологии, набирает популярность, очарование ею растет прямо пропорционально разочарованию соцреалистического проектом, 1970-е годы стали временем признания и всеобщей любви. В.Г.Распутин убежден, что «деревенская проза», как она есть сейчас, «не могла в 1970-х годах не появиться и не сказать свое скорбное слово. Пожалуй, не писатели создали эту прозу, а литература, как процесс живой и чуткий, волей своей создала писателей для этой прозы», «способной точно находить нервные окончания на том огромном теле, который мы называем “народ”» [Распутин, 2007, с.481].

На середину 1950-х годов приходится период так называемой литературной «оттепели»: именно к этому времени можно отнести зарождение «деревенской прозы» как принципиально нового явления в русской литературе. Литературная «оттепель» – длительный процесс самовосстановления литературы, получивший свое название по одноименной повести И.Г.Эренбурга. Важно понимать, что речь не о не краткосрочном состоянии освобождения, отрезвления от догм, от диктата разрешённой полуправды», а о длительном процессе, который имеет свои этапы развития и возврата назад с элементами «реставрации старого, а также возврата к задержанной классике.

Первый этап литературной «оттепели» (1953-1954 годы) был связан прежде всего с освобождением от предписаний нормативной (канонической) эстетики, «правил» подхода к действительности, отбора «правды» и «неправды». В декабре 1953 года в журнале «Новый мир» появилась знаковая для русской критики и весьма смелая в контексте текущей повестки того времени статья Владимира Померанцева «Об искренности в литературе», которую можно считать первым вестником еще не объявленной тогда «оттепели». «И разве

поэты не знают, что в литературе, как во всяком искусстве, важны различия и только различия, а вовсе не общность!» [Померанцев, 1953, с. 245], – пишет Померанцев, указывая на частое расхождение между лично увиденным и познанным писателем и тем, что ему же предписывалось изображать, что официально считалось правдой. Таким образом, можно говорить о том, что первый период литературной оттепели был связан прежде всего с освобождением от предписаний нормативной (канонической) эстетики, «правил» подхода к действительности, отбора «правды» и «неправды». Именно в период «оттепели» и родились «Районные будни» В.Овечкина, основателя публицистической ветви «деревенской прозы».

Второй этап «оттепели» (1955-1969 годы) ознаменован не просто теоретизированием относительно свободы художника и мастера слова, а появлением череды художественных произведений, иллюстрирующих право писателя видеть мир таким, каков он есть. Роман В.Дудинцева «Не хлебом единым» (1956), рассказ «Рычаги» А.Яшина и его стихи из сборника «Босиком по земле» (1965), очерки и повести В.Тендрякова - «Падение Ивана Чупрова» (1954), «Ненастье» (1954), «Тугой узел» (1956), которые встали в один ряд с уже существовавшими «Районными буднями» и «Трудной весной» (1956) В.В. Овечкина, и представляют собой истоки публицистической ветви «деревенской прозы».

Третий, и последний, отрезок «оттепели» (1961-1963 гг.) связан с романом писателя-фронтовика Ю.В.Бондарева «Тишина» (1961), пьесами В.С.Розова, особенно с пьесой «Вечно живые» (1956) («Летят журавли» – название ее киноварианта), романом в защиту пленных советских солдат «Пропавшие без вести» (1962) С.П.Злобина, ранними повестями и романами В.Аксенова, поэзией Е.Евтушенко и других в журнале «Юность» и, безусловно, с первым достоверным описанием лагеря – рассказом «Один день Ивана Денисовича» (1962) А.И.Солженицына.

«На рубеже 70-х и в 70-е годы в советской литературе произошел не сразу замеченный беззвучный переворот без мятежа, без тени диссидентского вызова.

Ничего не свергая и не взрывая декларативно, большая группа писателей стала писать так, как если бы никакого “соцреализма” не было объявлено и диктовано, – нейтрализуя его немо, стала писать *в простоте*, без какого-либо угождения, каждения советскому режиму, как позабыв о нем. В большой доле материал этих писателей был – деревенская жизнь, и сами они выходцы из деревни, от этого (а отчасти и от снисходительного самодовольства культурного круга, и не без зависти к удавшейся вдруг чистоте нового движения) эту группу стали звать *деревенщиками*. А правильно было бы назвать их *нравственниками* – ибо суть их литературного переворота была возрождение традиционной нравственности, а сокрушенная вымирающая деревня была лишь естественной, наглядной предметностью», – так охарактеризовал явление «деревенской прозы» Александр Солженицын [Солженицын, 2000, с. 186].

Писатели-деревенщики, преодолев каноны соцреалистического метода, ориентируются в своих произведениях на национально значимые проблемы: они видят своей задачей необходимость отстоять идею национальной самобытности, раскрыть духовные устои народной жизни, особенности национального характера русского человека, самобытность и колорит народной культуры. В художественных текстах писателей-«нравственников» ярко выделяется мотив истоков, образы-символы почвы, малой родины, а сам человек не видится вне связи с природой. Отличительной черной «деревенской прозы» становится и противопоставление деревни и города, где первая представляет собой оазис нравственности, порядочности, искренности и чистоты, тогда как последний – место зла, алчности и порока.

К 1970-м годам в контексте «деревенской прозы» формируется утопический дискурс, отличительная особенность которого состоит в том, что «профанному настоящему противопоставляется идеальное прошлое» [Криклицев, 2017, с. 164]. Как отмечает Н.В.Ковтун, «разрушение надежд на восстановление значимости крестьянской Руси, неосуществимость циклической модели истории равнозначны гибели самой истории, ее распыления, десемантизации. Перед неотвратимостью неизбежного писатели и пытаются

сохранить еще видимые, живые черты патриархального мира, уже уходящего в небытие. Именно в этом чувстве обреченности кроется причина особого трагизма мироощущения авторов» [Ковтун, 2009, с. 24]. Ожидание апокалипсиса, усиление антиутопических настроений – вот что отличает прозу этого направления в упомянутый период времени.

Роль традиционализма в литературном процессе второй половины XX века одна из ключевых: авторы-«нравственники» (по Солженицыну) первыми почувствовали надвинувшуюся беду – разобщенность общества, утрату нравственных, духовных связей, именно они оценили эту проблему как главную проблему времени. Авторы не просто бьют тревогу за духовное и нравственное падение общества, они показывают на какие начала культуры и морали необходимо опираться для преодоления морального кризиса. Художественные произведения представителей этого течения (Ф. Абрамов, Яшин, В.Белов, В.Г. Распутин, ранний В.М. Шукшин, В. Личутин, Б.П. Екимов) отличает глубокая идейно-философская мысль, широкий круг бытийной экзистенциальной проблематики. Именно в их текстах оформляются оригинальные проекты преобразования бытия: идеи Беловодья, града Китежа подсвечивают их собственные образы: таковы Сладкий остров Яшина, утопически прекрасная Матера Распутина, Беловодье Личутина, Холюшино подворье Екимова.

Отличительные особенности течения – сосредоточенность на самых злободневных проблемах прошлого и настоящего, одухотворенная стремлением подготовить «добротное» будущее, и все это воплощено в собственной эстетике.

Выводы по первой главе

В ходе проведенного исследования теоретических основ метажанра утопии мы можем говорить о том, что понятие «утопия» сложно и многозначно, однако при всем разнообразии смысловых оттенков основная и традиционная функция этого явления сводится к обозначению вымышленного мира, призванного служить образцом общественного устройства. Во всех определениях утопии присутствуют два ключевых понятия – место и будущее, оба с обусловленными смыслами: место, которого нет, а будущее не существует по своему определению, простирается нереально далеко, что тоже ставит под сомнение наличие временной конкретности.

Общим в утопии и утопизме следует признать ориентацию на идеал. Однако если утопия дает подробное, детализированное и последовательное описание заведомо воображаемого общества, то утопизм ограничивается провозглашением абстрактного принципа и редуцирует идеал к определенному социально–политическому или экономическому устройству (например, суверенитет народа или уничтожение частной собственности). Таким образом, ценность, делающая утопический проект желательным, оказывается сведена к организационному мероприятию, т.е. к средству.

Жанровая природа литературной утопии представляет собой сложное явление. Теоретическую основу типологии метажанра литературной утопии (или *третичного жанра*, по М.М. Бахтину) составляет ряд черт, позволяющих подчеркнуть ее многоаспектность, полифункциональность. В качестве определяющих и доминирующих назовем такие особенности, как пограничный характер бытования литературной утопии, наличие в ней двоемирия, особая нарративная и пространственно-временная структура текста, моделирующие свойства, присутствие вымысла, близость к романной форме, особая система персонажей и др.

Интерес к утопии всегда обостряется в кризисные времена, поскольку утопия дает простор творчества разочарованному в текущих реалиях творцу

распоряжаться судьбами мира и человечества по своему усмотрению. Весьма благоприятная почва для распространения утопических идей возникла в России во второй половине 1960-х годов, в так называемый «постоттепельный» период, когда возрождение традиционных ценностей виделось одним из вариантов исхода: именно эти начала отражала «деревенская проза». Писатели-деревенщики, преодолев каноны соцреалистического метода, ориентируются в своих произведениях на национально значимые проблемы: они видят своей задачей необходимость отстаивать идею национальной самобытности, раскрыть духовные устои народной жизни, особенности национального характера русского человека, самобытность и колорит народной культуры. Художественные произведения представителей этого литературного течения отличает глубокая идейно-философская мысль, широкий круг бытийной экзистенциальной проблематики, вбирающая в себя вечные и важные вопросы человечества: «человек и история», «любовь и смерть», «человек и Родина», «человек и государство», «свобода и выбор», «осознание национальной идентичности», «человек и Бог».

Роль традиционализма в литературном процессе второй половины XX века одна из ключевых: авторы-«нравственники» (по Солженицыну) первыми почувствовали надвинувшуюся беду – разобщенность общества, утрату нравственных, духовных связей, именно они оценили эту проблему как главную проблему времени. Авторы не просто бьют тревогу за духовное и нравственное падение общества, они показывают на какие начала культуры и морали необходимо опираться для преодоления морального кризиса. Художественные произведения представителей этого течения (Ф. Абрамов, Яшин, В. Белов, В. Г. Распутин, ранний В. М. Шукшин, В. Личутин, Б. П. Екимов) отличает глубокая идейно-философская мысль, широкий круг бытийной экзистенциальной проблематики. Именно в их текстах оформляются оригинальные проекты преображения бытия: идеи Беловодья, града Китежа подсвечивают их собственные образы: таковы Сладкий остров Яшина, утопически прекрасная Матера Распутина, Беловодье Личутина, Холюшино подворье Екимова.

ГЛАВА 2. УТОПИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ-ТРАДИЦИОНАЛИСТОВ

2.1. Пути развития «деревенской прозы»

Анализируя динамику становления «деревенской прозы», критик Е.Старикова выделяет три пути, по которым эта проза развивается: «выход в проблемы экологии и натуосоциологии (характерный для В.Распутина), социально-психологическое исследование судеб крестьян разных поколений (линия, идущая от Ф.Абрамова) и поворот к исследованию исторического прошлого русской деревни (“Кануны” В.Белова)» [Старикова, 1988, с. 109]. В творчестве Б.П.Екимова ключевую роль играют рассказы, которые знакомят читателя с судьбами крестьян разных поколений (люди, пережившие страшные годы Великой Отечественной войны, «шестидесятники», новое поколение молодых людей, родившихся в послеперестроечное время), и в этом отношении можно провести параллель между текстами Бориса Петровича и Федора Александровича.

Отмечая близость творчества волгоградского писателя современной традиционалистской прозе, Н. В.Ковтун в монографии «Русская традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика» выделяет такие ее составляющие, как «вера в духовные, нравственные силы народа, который может и должен стать хозяином собственной земли, важность категорий памяти, традиции, оценивающиеся не взглядом извне, что отличает русскую классику, но изнутри самого народного мира со всеми его лишениями, противоречиями и болями» [Ковтун, 2013, с. 326]. Обращаясь к рассказу «Холюшино подворье» («Золотой хозяин»), написанной в 1979 г., исследователь отмечает: «Интертекстуальное поле текста “Холюшино подворье” включает эпические рассказы А.Солженицына конца 1950-х годов, повесть В.Распутина “Прощание с Матерой” (1976)» [Ковтун, 2013, с. 326].

Интересны сравнения путей решения извечных проблем в творчестве Екимова и Распутина, о которых пишет в своей диссертации С.В.Кожевникова:

«Множество проблем, подобно своим собратьям по перу, пытается разрешить Б.Екимов в своих произведениях – например, рассказ “Осенним днём” показывает нам выход, свойственный для прозы В.Распутина – высохшая река как символ утраты вечности деревенской Вселенной» [Кожевникова, 2002, с. 19]. Но знаковой темой прозы Екимова исследователь определяет обращение к историческому прошлому деревни, поиск причин утраты определенной системы ценностей, распада хуторского уклада жизни.

Безусловно, творчество Бориса Екимова и старой школы деревенщиков имеет много общего: герои произведений, их система ценностей и нравственные устои, особое миропонимание и психологизм, язык. Объединяет представителей традиционалистской прозы и разворот в отношении писателей к современности: «В новых произведениях авторов не осталось и следа какой-либо идеализации народа — черта, наметившаяся в прозе Б.Екимова еще в конце 1970-х годов (возвеличивание истинных тружеников и обличение жителей хутора, привыкших жить в советское время “за чужой счёт”, трудиться “не для себя и не во благо”» [Кожевникова, 2002, с. 20]. Новой для всех стала тема памяти, связи поколений: под этим грифом в 1985 г. увидел свет «Печальный детектив» В.Астафьева и «Пожар» В.Распутина. При этом Б.Екимов смог избежать публицистического начала, которое легло в основу вышеупомянутых произведений, его тексты все так же поэтичны и метафоричны («По Дону», «В дороге»), его героев все так же отличает огромная внутренняя сила, которая идет от связи с родной землей, родным хутором.

В 90-е гг. XX столетия в произведениях писателей-«нравственников» актуализируется тема войны, свет увидел роман В.П.Астафьева «Прокляты и убиты» (1992–1994). Творчество Б.Екимова обогатилось своеобразным «чеченским циклом», куда вошли рассказы о судьбах людей, попавших в водоворот этой страшной войны – рассказы «Продажа» (1996), «Наш солдат» (1999) и др. Но все же и в 90-е гг. в большей степени писателя занимают темы жизни родного Хутора, судьбы людей, которые должны принять решение – уехать и предать родную землю или остаться жить на родине. Важное место

отведено религиозной тематике, где автор «Холюшина подворья» размышляет о значении веры в жизни человека. Также присутствует и детская тема, которая красной нитью прошла через все творчество Бориса Петровича – рассказы «Фетисыч» (1996), книга рассказов «Проснется день» (2013) и др. Интересна трансформация героев рассказов и повестей писателя: в характере труженика формируются такие качества, как решимость и решительность отстаивать свою позицию, защищать свои интересы, независимость и стойкое убеждение в своей правоте. Особо интересно наблюдать это, следуя за ранее созданными образами, которые появляются вновь: Тарасов, Скуридин, Чапурин.

«Художественный проект традиционалистов направлен на восстановление единства нации, цельности национального самосознания, культурной памяти, его сверхзадача – актуализировать генетические основы национальной культуры, религиозно-природное миропонимание, определить подлинное место крестьянской культуры в общенациональном наследии. Творчество, публицистика, личное поведение писателя – все направлено на демонстрацию жизненной необходимости восстановления исторической, культурной памяти как условия преемственного развития, тексты «деревенщиков» есть исполнение социальной миссии – обеспечение коммуникации, воспитание бытийного сознания наперекор превратности сиюминутных интересов» [Ковтун, 2016, с. 10]. В этом контексте становится очевидным: представителями «деревенской прозы» движет неумолимое желание привести мир к идеальному состоянию. Т.Рыбальченко называет традиционалистскую прозу прозой «социального моделирования», литературой национальной самоидентификации, литература сопоставляется с церковью. Н.В.Ковтун приводит слова А.И.Солженицына: «Посредством искусства иногда посылаются нам, смутно, коротко, такие откровения, каких не выработать рассудочному мышлению» [Ковтун, 2016, с. 10]. Виктор Петрович Астафьев также отмечает сакральную функцию литературы: «И коль выпало на долю родной литературы заменить собой разрушенную церковь, стать духовной опорой народа, она должна была

возвыситься до этой самой святой миссии» [Астафьев, 1997, с. 308]. «Страдающей учительницей совести» называет литературу В.Г.Распутин.

Бориса Петровича часто называют последним деревенщиком. Отличительные особенности творчества зрелого Екимова по отношению к основоположникам литературного течения – В.Астафьеву, В.Распутину, видятся в “сдержанности” в разрешении конфликтов, характерных для «деревенской прозы» (конфликт города и деревни, социума и природы, традиций и инноваций, добра и зла, духовности и алчности); «события в его текстах предстают с нескольких точек зрения, что свидетельствует неоднозначность бытия» [Ковтун, 2013, с. 78].

2.2. Борис Екимов – последний «деревенщик»: путь автора

19 ноября 1938 года в городе Игарка Красноярского края родился прозаик, публицист Борис Петрович Екимов.

Работал токарем, слесарем, наладчиком, электромонтёром на заводе, строителем в Тюменской области и в Казахстане, учителем труда в сельской школе. Как прозаик дебютировал в 1965 году, в 1976 году был принят в Союз писателей России, а в 1979 году окончил Высшие литературные курсы. Создал более двухсот произведений. Печатается в литературных изданиях: «Наш современник», «Знамя», «Новый мир», «Нива Царицынская», «Россия».

Произведения Бориса Екимова переведены на английский, испанский, итальянский, немецкий, французский и другие языки. Повесть «Пастушья звезда» включена в «Президентскую историческую библиотеку» – серию выдающихся произведений российских авторов. Член правлений Союза писателей РСФСР (с 1985 по 1991 годы) и Союза писателей России (с 1994 года). Был членом редколлегии еженедельника «Литературная Россия» (с 1987 года). Член редколлегии журналов «Отчий край», «Роман-газета» (с 1998 года). Член комиссии по Государственным премиям при Президенте РФ (с 1997 года). Входил в жюри Букеровской премии (1997).

Лауреат премии журнала «Наш современник» (1976), премии «Литературной газеты» (1987), премии им. И.А.Бунина (1994), премии журнала «Новый мир» (1996), первой премии «Москва – Пенне» (1997), Государственной премии Российской Федерации (1997), Всероссийской литературной премии «Сталинград» (1999). В 2008 году Борис Екимов был удостоен Премии А.И.Солженицына. Лауреат премии «Ясная поляна» (2014), Патриаршей литературной премии (2016).

В научной литературе имеет место спор: возможно ли относить творчество Бориса Екимова к течению «деревенской прозы» или же автор настолько самостиен, что его дело в литературе является чисто «именным» и не может быть продолжено.

Бесспорно, в отношении творчества волгоградского писателя одно – высокие оценки критиков и филологов. Консолидируя статьи и рецензии на прозу писателя, М.В.Мокрова приводит ряд высказываний критиков о его творчестве: «Б.Екимов сегодня один едва ли не из самых талантливых рассказчиков»; «Б.Екимова не с кем сравнить – у него своя манера, свое Я»; «Серьезный, мастеровитый писатель» [Мокрова, 2003, с. 9]. Едино исследователи и в оценках его текстов как отличающихся исповедальностью и неподдельной искренностью. Характеризуя его рассказы, читатели отмечают ту особенную правду жизни, «художественную зоркость и наблюдательность», которая присуща автору: «Екимов – правдивый и зоркий писатель»; «Его проза привлекает достоверностью изображаемого. И совестливым отношением к жизни»; «Проза Б.Екимова живо наблюдательна, точна и социологична» [Мокрова, 2003, с. 10]. Очень точно о специфике и уникальности стиля письма Б.Екимова говорят в своих статьях И.Богатко и Е.Скарлыгина. Последняя видит самобытность таланта Екимова в «редком соединении повышенной поэтичности повествования с трезвостью и остротой социального зрения». «На соединении высокого, лирического и остросоциальной проблематики и строит Екимов свой художественный мир» [Мокрова, 2003, с. 11], – констатирует И.Богатко.

Первые литературные опыты Бориса Петровича пришлись на 1970-е гг.: сборники рассказов «Девушка в красном пальто» (1974), «У своих» (1975) были написаны в «производственной» тематике. В ранних произведениях явно прослеживается интерес к нравственной проблематике: герои находятся в ситуации внутреннего нравственного выбора и принимают ключевые решения, которые оказывают влияние на дальнейший ход их жизни. Эта проблематика пройдет прослеживается во всем творчестве Бориса Петровича: более поздние его произведения, такие как «Елка для матери» (1984), «За теплым хлебом» (1986), «Пара осенней обуви», «Живая душа» (1987) и др., тому подтверждение. Большой интерес в данных текстах представляет природа конфликта, первопричиной которого становятся не внешние раздражители, а система нравственных ценностей и убеждений героя – она оказывается в оппозиции к общепринятым представлениям и утвердившейся в обществе модели поведения: с одной стороны имеет место попустительство, равнодушие и полная безучастность, с другой – ярое несогласие «плыть по течению», живое участие, милосердие и сострадание, искренний отклик на чужое горе, умение слышать и слушать другого человека. Эти качества выделяет и подчеркивает писатель в своих героях, которые призваны решить внутренний конфликт между привычным и внутренним убеждением. Яркими примерами могут служить рассказы «Эксперимент» (1983), «Стенькин курган» (1984), повесть «Высшая мера» (1991).

Уже в этот период можно говорить о формировании онтологической проблематики произведений волгоградского писателя, суть творчества которого на рубеже 1980–1990-х гг. – поиск коренных основ бытия человека. Рассуждает об онтологическом конфликте И.В.Великанова в диссертации «Поэтика прозы Б.П.Екимова»: «Возникновение онтологического конфликта не зависит от действий, поступков героев, а сущность раскрываемого противоречия предельно обобщена. Смысл конфликта заключается в противопоставлении жизни и смерти, краткости пребывания человека на земле и вечности природного мира и т. п. Соответственно, сюжет произведения включает в себе не возникновение и

развитие данного противоречия, а момент либо процесс осознания его героем» [Великанова, 2004, с. 13].

В 1980-х гг. Борис Петрович переходит к теме деревни (сборник «Офицерша», 1978). Именно после выхода этого сборника критика стала рассматривать творчество писателя в русле «деревенской прозы». Сказалось и влияние авторитетных в то время писателей-деревенщиков (В.Астафьева, В.Распутина, В.Шукшина, В.Белова), творчеством которых был увлечен прозаик. На некий внутренний диалог с уже состоявшимися «нравственниками» указывают и названия его произведений, и типы героев, среди которых особенно выделены «чудики» и хозяева. «Действительно, можно утверждать, что определенные “заимствования” у своих братьев по перу Екимов сделал именно в “ученический”, ранний период творчества, – сообщает С.В.Кожевникова. – Это язык произведений, возвращающий нас к прозе М.Шолохова; герои-чудики, напоминающие о “Характерах” (1973) В.Шукшина; возвеличивание женского характера, образа Матери, особый психологизм, характерный для прозы В.Распутина» [Кожевникова, 2002, с. 9]. В беседах и интервью Борис Петрович и сам неоднократно называет имена В.Шукшина, В.Астафьева, В.Белова, В.Распутина, относя их к числу своих учителей.

В прозе конца 1970-х годов Б.Екимов открывает «сокровенного героя – крестьянского труженика, призванного стать хозяином дома, земли, судьбу которой он мыслит в тесной связи с собственной участью» [Ковтун, 2013, с. 325]. В это время окончательно оформилась проблематика его текстов – будни простого деревенского жителя, вся жизнь которого связана с землей, а смысл ее – ежедневный тяжелый труд; это сильный духом и характером человек, который борется за свою семью, за свою землю, за свой хутор, часто противостоит коллективу «собственническим настроением к жизни» [Кожевникова, 2002, с. 10]. На этот период пришелся расцвет творчества Бориса Петровича: свет увидел роман «Родительский дом» (1988), повесть «Пастушья звезда» (1989), знаковые рассказы — «Ночь исцеления» (1986), «На ферме казачьей» (1986), «Солонич» (1989) и др.

Выводы по второй главе

Литературный критик Е. Старикова выделяет три направления развития традиционализма: выход в проблемы экологии и натуосоциологии (характерный для В.Распутина); социально-психологическое исследование судеб крестьян разных поколений (линия, идущая от Ф.Абрамова); поворот к исследованию исторического прошлого русской деревни (“Кануны” В. Белова). Мы же акцентируем утопическую составляющую в творчестве мастеров. [Старикова, 1988, с. 109].

Бориса Петровича Екимова часто называют последним деревенщиком. Основные составляющие прозы Б.П. Екимова: вера в духовные, нравственные силы народа, который может и должен стать хозяином собственной земли, важность категорий памяти, традиции, высокие ценностные идеалы и жизненные ориентиры. Один из центральных персонажей автора – Хозяин, который способен выстроить «рай на земле», создать хозяйство, отделенное и удаленное от «прочих земель». Когда мир отступает от извечных крестьянских правил и ценностей, начинается разруха в душах и мире, тогда и вступает на место Хозяина Пиночет.

В творчестве Екимова ключевую роль играют рассказы, которые знакомят читателя с судьбами крестьян разных поколений, их историей, понимаемой одновременно и как история земли как Книги. В этом отношении можно провести параллель между текстами Бориса Петровича и Федора Александровича, Екимова и Распутина.

Отличительные особенности творчества зрелого Екимова по отношению к основоположникам литературного течения – В. Астафьеву, В. Распутину – видятся в “сдержанности” в разрешении конфликтов, характерных для «деревенской прозы» (конфликт города и деревни, социума и природы, традиций и инноваций, добра и зла, духовности и алчности); «события в его текстах предстают с нескольких точек зрения, что свидетельствует неоднозначность бытия».

ГЛАВА 3. УТОПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В РАССКАЗАХ Б.П. ЕКИМОВА: СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЕШЕНИЯ, СИМВОЛИКА

3.1. Утопические мотивы в повести «Пастушья звезда»

Ярким примером произведения автора, в котором представляется нравственный выбор, дается описание человеческой психики героя в канун социальных преобразований в жизни села и общества может послужить повесть «Пастушья звезда». Главный герой рассказа – пожилой («перевалило ему за пятьдесят»¹ [1]) пастух Тимофей, который, похоронив жену, переехал по настоянию детей жить в город. По прошествии года он, не смогший прижиться на новом месте, к большому удивлению и озабоченности старшей сестры возвращается в родные места с тем, чтобы вновь «прибиться к делу» [2] – вернуться к пастушеству.

Городская жизнь Тимофея видится вполне благополучной: «На сыновей да невесток жаловаться было грех», без дела он не сидел – сыновья устроили его дворником в своих же домах, «работа оказалась нетрудной»; «Томила лишь скука. <...> У сынов была забава одна – телевизор. Первая программа, вторая, третья. Кино ли, хоккей, что другое, вроде и разное, но Тимофею все казалось на одно лицо. Он томился, рано ложась в постель. Но спалось ему плохо. Детям он не жаловался, но за весь год добром так и не выспался. За окном проходила улица, шумели машины. За стенами со всех сторон тоже шумела жизнь: телевизоры, магнитофоны, проигрыватели, топот» [2].

Таким образом, автор в самом начале повествования не просто намечает типичную для «деревенской прозы» оппозицию «бездушного города» и мира села с его традиционными культурными ценностями, духовными идеалами, не только иллюстрирует конфликт «дерева и камня» (Ю. Лотман), но и показывает

¹ Здесь и далее цитаты даются по изданию: *Екимов Б. П. Пастушья звезда* // Роман-газета. 1989. № 24 (1126). В скобках указываются номера страниц.

результат опьянения городом и его ритмом жизни, последствия подмены живого общения отупляющим просмотром телевизора – невыносимое одиночество человека в кругу близких ему людей. «Когда же пришла весна и грачи, прилетев, стали расхаживать у домов, на обтаявших пригорках, Тимофей и вовсе покой потерял. Он глядел на черных птиц, и казались они ему родней. В поселке сейчас солнышко, первая зелень, грачиный гвалт, скворцы заливаются – все вспоминалось, и вовсе сон уходил» [2].

Тимофей не мыслит своего существования вне заданного вековой традицией жизненного цикла, вне природных ритмов, он не может находиться в городе и смотреть телевизор, он должен работать, трудиться. Н. В. Ковтун отмечает переключки подчинения традициям и обрядности с произведениями старших деревенщиков: «Подчинение обряду заставляет и Настену из повести В. Распутина “Живи и помни” (1974) помогать мужу-дезертиру, даже в момент осознания греховности происходящего героиня не умеет изменить ход событий. В этой же парадигме история красавицы Катерины из “Бабиля” Ф. Абрамова (1980), “задавленной колхозной и домашней работой”, униженной распутным мужем и детьми» [Ковтун, 2013, с. 329].

Далее мы погружаемся в описание сельской местности, далекой от идиллии: села пустеют, хозяйства оскудевают, повсеместны запущенность и неустроенность, о совести и нравственности помнят немногие, деньги и алчность правят миром и в деревне. Таким образом, можно говорить о противостоянии не столько города и деревни, сколько людей и природы. Работать пастухом Тимофей подрядился к «немолодому кавказцу с подбритыми усами» [2]. Рассказ о жизни и судьбах обитателей частного хозяйства, в которое попадает герой, полон точных житейских подробностей: автор прибегает к реалистическому способу изображения действительности, она не отличается приукрашиваниями и полутонами, здесь даны хорошо узнаваемые социально-бытовые реалии и проблематика на злобу дня.

Описание сельского мира вбирает и рассказы о судьбах его обитателей. Так, Зинаида счастлива быть здесь на временной работе под покровительством

временного «хозяина», ибо видела только побои да тумак от мужа «приглядного»: «Я тут, дядя Тимоша, свет увидела, – призналась Зинаида. – Никто не зашумит, руку не подымет. От своего-то родненького таких чубуков натерпелась, вспомнишь – душа вянет» [13]. Трагичен на этом фоне образ Чифира, он – «черноликий, усохший телом, похожий на больную мальчонку» [10] – жалкий, опустившийся человек без документов, который не только потерял семью, воспоминаниями о которой любит делиться, но и утратил человеческий облик, честь и достоинство, сменив их бесконечным пьяным угаром и низкопробными стишками, которые декламирует на потеху гостей хозяина.

Сам Тимофей тоже прожил нелегкую жизнь, полную тягот и лишений: десятилетним мальчишкой он вынужден был оставить школу и пойти работать, когда отец, вернувшись с войны еле живой, не был способен обеспечить большую семью. «Мать лишь губы поджимала. Сердце болело у нее, когда чужие ребятишки бежали в школу, игрались на улице, а Тимошка еле домой добирался к вечеру. А в непогоду и вовсе... Весенняя промозглая слякоть, дожди, одежда никакая: на плечах – старенький пиджачишко, на ногах – чирики раскисшие да мешок на голову вместо плаща. Промокало все насквозь. В осеннюю пору Тимофей приходил черный, продубевший от холода. Мать сдирала с него прилипшую ледяную одежду, ставила ноги в чугунок с горячей водой. Раздевала и плакала. Тимошка молчал. Поднимется утром, оденется, поставит в сумку банку кислого молока да пяток желудевых лепешек сунет – и пошел» [8]. Но не сломался герой, более того, он единственный в этом обществе, кому присущи высокие нравственные принципы: честность, порядочность, человечность, мудрость и сердечность.

Тимофей, как и многие другие герои Б. Екимова, с виду невзрачный и ничем не примечательный человек, но он обладает чем-то большим: он умеет испытывать и проявлять, казалось бы, такие простые, но в то же время большие чувства – любовь и заботу о ближнем. Тимофей не только помогает своим временным спутникам и поддерживает их в нелегком труде, он щедро дарит им

душевное тепло, жалеет их, проявляет участие в их заботах и печалях. И не случайно даже сын хозяина – не по годам развитый и деловитый чернявый мальчишка Алик, в начале рассказа беспокоившийся о наличии у немолодого пастуха вшей («Он презрительно поглядел на нового работника, нарочито громко спросил у отца: – У него вшей нет? А то разведет» [3]), потянулся навстречу к пастуху, чувствуя его сердечность и человеколюбие: «Алик резко повернулся и стал глядеть в другую сторону, на реку. Тимофей поднялся и сказал, тоже на воду глядя: – Играет рыба? Сазаника бы поймать, поладиться. – А ты умеешь ловить? – повернулся к нему Алик. – Было бы чем, – усмехнулся Тимофей. – У меня есть! Все есть! – крикнул Алик и побежал к дому» [11].

Тимофей сумел разглядеть за напускным горделивым высокомерием Алика, занятого приумножением семейного богатства, бесприютного одинокого ребенка, который скучает по маме, семье, родному дому и родине: «Не по нраву был ему хозяйский сынок, молодой, да из ранних. В машине за рулем, в разговорах, всеми повадками он был Тимофеем неприятен. Но теперь, в сумеречной полумгле, он показался бесприютным и одиноким, даже кольнула жалость» [7]. Мудрый пастух деликатен и эмпатичен: он не разрушает «легенду» мальчика, он тактично и по-отечески сердечно организует вечерние вылазки на реку, и здесь, в тишине природы, под звездным небом мы видим уже не покрикивающего хозяина и смиренного работника, не сына кавказца Алика и русского работягу Тимофея, а мальчика, который так нуждается во внимании и заботе, и пожилого мужчину, способного и желающего дать их ему. И вот оторванный от матери мальчишка не тянется к деньгам, а ищет живого участия, заботы и внимания взрослого, потому что никакие материальные блага, ни две-три машины, ни деньги и ни построенный дом не заменят этого, ведь иначе: «Беда, беда... – повторил он [Тимофей] неслышно. – Беда, беда... Вот они, и деньги, и машины, и дома, и все на свете... Беда, беда...» [18].

Рассмотрим три жизненные ситуации, описанные в рассказе, – они позволят сформировать образ Тимофея с точки зрения ценностных идеалов и жизненных ориентиров. Первый эпизод, где, заметив оторвавшихся от чужой

отары баранов и не найдя их чабана, «Тимофей, долго не раздумывая, подогнал чужую баранту к своей и повел к дому, к хутору, чтобы оповестить хозяина» [9]. Хозяин же не обнаружил желания искать собственника овец и загоняет их к себе, предлагая пастуху магарыч – «пачку сиреневых четвертных». Понятие о чести и порядочности в главном герое оказывается выше алчности, он не готов участвовать в подлых планах: «Тимофей перевел взгляд с отца на сына и все понял. – Мне чужого и на дух не надо, – отстранил он деньги. – Сколько пас, слава богу, не польстился. А как же... Люди где-то плачут, а мы кукарекать будем от счастья, – говорил он, слабо, но все же надеясь убедить. – На чужих слезах не расцветешь. У нас всегда ведется... – То – у вас, а это – у меня, – прервал его длинную речь хозяин. – Берешь? – Нет, нет, – отмахнулся Тимофей» [9].

А как сокрушается пожилой пастух, когда «близ хутора и стойла увидел Тимофей хозяйских коров и бычат на хлебах», – «Тимофей чуть не плакал от обиды и отчаянья. Хлебов было жаль, и страшила расплата» [13]. «Ерунда!» – такова была резкая реакция хозяина, которая привела главного героя в недоумение, он долго не мог прийти в себя.

Третий эпизод, самый страшный, был связан с гибелью в пожаре Чифира: «Темная человечья фигура бросилась в горящий дом. И раздался вопль. Он был протяжен и страшен. Тимофей встал. А горящий дом рухнул, обрывая крик. Взметнулись тучи искр, улетаая во тьму». «Не было никакого Чифира. Ты понял?» [18] – цинично заявляет хозяин наутро. Это событие оголило конфликт ценностей, вскрыло невозможность продолжения сосуществования людей, жизненные ориентиры которых диаметрально противоположны: «Чифира не было, баранов не было... Чего ни коснись – ничего не было... – горько усмехнулся Тимофей. – Тогда уходи, – перебил хозяин Тимофея. – Плачу деньги, и уходи. Чифира никакого не знаю, тебя... тоже никакого не знаю. К вечеру чтобы не было...» [18].

Тимофей не может изменить ситуацию, он это понимает, но также понимает, что жить в мире, где «деньги правят балом», он не готов, а потому

принимает решение уйти и сохранить за собой действительно важное: ответственность за свое дело, любовь к родной земле, уважение к людям труда, в ком живы идеалы добра, чести и правды.

Очень символична в этом плане финальная сцена рассказа, где ушедшего с хутора Тимофея догоняет Алик. Под звуки сказки ребенку снится «сладкий сон золотой», возносит его «над землей неведомая сила»: «Это был сон, золотой сон, когда лишь забудешься, вскинешь руки во сне и поднимает тебя над землей: сначала кружишь осторожно и низко, еще не веря, потом, осмелев, вздымаешься выше и выше, испытывая дух. И наконец, поверив, смело устремляешься в полет. Все выше и выше. Далеко внизу – золотые озера, золотой огонек костра, над ним человек склоненный, что-то бормочет, усыпляя и сам затихая. Уходят. Послушное легкое тело стремительно мчит, набирая высоту и скорость. Вперед и вперед... Где-то там, далеко, у сверкающих гор, ждет его мама» [20]. Соединение образов старика и дитя архетипично, отсылает к Вечности, передает тоску по высшему.

Повесть «Пастушья звезда» представляет размышления автора о прошлом и будущем России. Неутешительна правда о том, что деревня – душа России, колыбель русских традиций, русского духа, «колыбель нравственного здоровья народа» [Кожевникова, 2002, с. 20] – подвергается губительному влиянию алчности и бесчестия. «С повести “Пастушья звезда” отчетливо движение писателя от онтологической проблематики, составляющей основу традиционалистской прозы, к экзистенциональной» [Ковтун, 2013, с. 81].

Аналогичный эффект наблюдается и в рассказе «Холюшино подворье»: «сколь много вмещается в долгую человеческую жизнь: две большие войны, скитания вдали от родного дома в гиблых песках и много другого, несладкого, но помельче, которого уж не держит память» [Екимов, 1979, с. 257]. «Автор подводит героя к необходимости понимания несовершенства законов онтологии и истории, невозможности скрыться от настоящего ни на ковчеге Завета, ни в пределах легендарного Беловодья. Б. Екимов прозревает в современном

человеке экзистенциальное сознание», – резюмирует Н. В. Ковтун [Ковтун, 2013, с. 82].

Позднее творчество писателей-деревенщиков включает в себя произведения, в которых как бы подводится итог судеб людей традиционной культуры. Н. В. Ковтун в статье «Патриархальный миф в традиционалистской прозе рубежа XX–XXI веков» приводит ряд знаковых текстов, подтверждающих этот тезис. Она отмечает появление в позднем творчестве В. Распутина нового героя – игрока, трикстера, который и будет жить в новом мире, осваивать новые горизонты. «Миссия трикстера неразрывно связана с будущим появлением культурного героя-избавителя, вне этой перспективы его путь глубоко трагичен, не менее трагичен, чем судьба самого культурного героя. Если “уход” / испытание – участь озабоченного собой, собственной социальной значимостью мужчины, то подвиг преодоления / “возвращения” связывается Распутиным с образами дев-богатырок, чьи воля, стойкость, мужество есть отмена неудачного опыта мужчин» [Ковтун, 2013, с. 81]. Героини Валентина Григорьевича – женщины нового поколения, они лишены слабостей и соблазнов, им неведомы чувственные пристрастия, они не плачут, они сильные, brutальные, волевые. Вспомним Тамару Ивановну (повесть «Дочь Ивана, мать Ивана»), Агафью («Изба»), Пашуту («В ту же землю...»). В зрелом творчестве писателя отчетливо видна смена ориентиров: патриархальные устои отходят, их место занимают решительные амазонки [Ковтун, 2013, с. 82].

Итак, Борис Петрович Екимов в повести «Пастушья звезда» знакомит нас с яркими образами своих героев, наследующих и продолжающих лучшие нравственные и трудовые традиции и принципы русского народа, которые они пронесли сквозь сложные годы перестройки, которая, казалось бы, изменила не только «концепцию деревни в социально-экономическом плане», но и затронула идейные ориентиры жизни личности и общества. Главный герой повести – пожилой пастух Тимофей, переживая эти тяжелые времена, как и другие жители нашей страны, не ломается под силой обстоятельств и общими настроениями, он сохраняет свои высокие моральные ориентиры и нравственные координаты

человека, добросовестного в труде и преданного своему делу, он как живет под своей «звездой», и она ему ориентир в честной жизни и добросовестном труде. Автор намечается эвпсихия, утопия внутреннего самоустроительства души, которая притягивает, спасает и другие одинокие души. Бытие героя, его личность – и точка притяжения «страждущих», что будет и позднего Распутина в рассказе «Изба», например. «С повести “Пастушья звезда” отчетливо движение писателя от онтологической проблематики, составляющей основу традиционалистской прозы, к экзистенциальной» [Ковтун, 2013, с. 82].

3.2. Утопический герой в рассказе «Холюшино подворье»

Одним из самых колоритных образов в прозе волгоградского писателя является образ Варфоломея Вихлянцева (рассказ «Холюшино подворье», в позднем варианте – «Золотой хозяин»), проблематика которого получила развитие в таких знаменитых текстах писателя как «Тарасов» (1984), «Солонич» (1986), «Чапурин и Юрка», «Враг народа» (1988), «Пиночет» (1999) и др. Образ Холюши – потомственного крестьянина, возделывающего и оберегающего родовую землю – очень долгое будоражил сердца читателей и умы критиков: после публикации рассказа в журнале «Литературное обозрение» развернулась целая дискуссия в части оценок главного героя. Отдельный интерес представляет состав участников упомянутой дискуссии: в диалог вступили не только писатели, ученые филологи и критики, но и экономисты и социологи, что является ярким свидетельством – Борису Петровичу на страницах своего рассказа удалось обнажить острые социальные проблемы, выставить на всеобщее обозрение «болевые» точки современного общества.

Самый главный вопрос, который занимал участников обсуждения, состоял в том, что же таится за непомерной жадой к труду крестьянина? Кто-то придерживался мнения, что такое поведение Холюши – самая обыкновенная алчность. Однако нашлись у «золотого хозяина» и сторонники, которые подчеркивали «нравственную многосодержательность» крестьянского труда (Б.Пальман), его «несомненность» (А.Обертынский), заключающуюся в том, что

крестьянин кормит людей [Великанова, 2011, с. 47]. Интересны выводы Б.Анашенкова, который в ходе своих размышлений о нравственно-эстетическом основании крестьянского труда, приходит к выводу, что алчность и стремление к наживе не выступают ключевыми мотиваторами героя. По мнению исследователя, существует важный нравственный закон, которому безоговорочно следует не одно поколение землевладельцев, и закон этот передается от отца к сыну и просто не позволяет работать крестьянину вполсилы. «Труд Холюши, как и весь крестьянский труд вообще, наполнен своего рода поэзией, гармонией, что и является подлинной и высокой наградой земледельца» [Анашенков, 1980, с. 41]. «Слово “хозяин” в устах Б.Екимова, – пишет В.Васильев, – высшая оценка человека и его отношения к окружающему... “хозяин” – значит живущий собственным трудом, великий труженик. Это – основной источник, питающий героев писателя уверенностью в жизни; им определяются и все другие людские качества...» [Васильев, 1988, с. 151].

И ведь действительно: основа существования Холюши, радость его бытия составляют ежедневный труд, работа по хозяйству, любовь и привычка к которой впитаны им с молоком матери. Без этой деятельности, без этого изнуряющего труда, без своего родного подворья крестьянин просто утратит смысл жизни. Труд – его призвание и необходимость, важнейшее условие крепкого хозяйства, «навыки которого передаются по роду как исполнение Завета» [Ковтун, 2013, с. 80]. Обратимся к тексту рассказа: «И в сенокосный срок Холюша, считай, совсем не спал. Прикорнёт иногда на часок. И всё. В эту пору он вовсе высыхал и чернел лицом, как головёшка. Он свои уголья выкашивал, а потом брал где можно: по лесу, на буграх, за огородами, по степи, в балочках – никакою травой не гребовал, вплоть до осоки. А уж от сена, от запасов своих глядел, сколько в зиму скотины оставить. Кое-кто из молодых, на одну коровёнку запасая, жаловался. Холюша косил и косил, днём и ночью»² [239]. Во время страды хозяин обликом

² Здесь и далее цитаты даются по изданию: *Екимов Б. П. Холюшино подворье. Рассказы и повесть.* М., 1984 г. С. 239-274 В скобках указываются номера страниц.

напоминает святого-страстотерпца, достигшего предельной аскезы», - отмечает Н.В. Ковтун [Ковтун, 2013, с. 80]. Вспоминая детство, дед Халамей видит одну картину: «Вот они картошку с матерью окучивают. Мать тянет плужок, а пацан за чапигами. И норовит вырваться, вывернуться плужок. Мать неровно тянет, рывками. Руки немеют, дрожат... А вот он вместе с отцом, и косёнка у него своя...» [253]. Веками устои на родном подворье неизменны: семья Вихлянцевых много лет разводит коров одной масти, держит огромное поголовье скота, обрабатывает огород, врачует травами. Изменение уклада жизни, отказ от дела потомков для деда Халамея равносильно гибели, он не мыслит иной жизни и себя вне своего подворья. Этим определяются традиционализм текста, главный герой которого не представляет своего существования вне устоявшегося веками уклада жизни.

Жизнь же на подворье циклична: поколение стариков сменяет молодое поколение, от старших к младшим передаются обычаи и устои, нормы и правила поведения, которыми руководствуются все члены семьи. Б.Екимов описывает мир, где человек и природа едины, а главный герой не отделяет историю своего рода от истории подворья, на котором они живут, и живности, которую они разводят. Примечательно очень, что родословную своей коровы Зорьки Холюша помнит намного более досконально, чем свою собственную. Хозяйство старика добротное, ухожено и богато: «Овечки сытые, на спину ложись – не скатишься, густая чистая шерсть кольцами лежит – хорошая волна. И козы неплохие» [264]. Дед Халамей наделяет своих подопечных не только именами, но и разумом, эмоциональным интеллектом: он общается с собакой, ведет беседы с коровой, объясняется с козленком, и складывается полное ощущение, что и живность его понимает, понимает лучше, чем люди.

В тексте неоднократно подчеркивается изобилие хозяйства Холюши, хозяин подчас и сам не может оценить масштабов своей зажиточности: «Хорошо живу, грех жаловаться. Все есть. Трудюся, вот все и есть. Коровка хорошая, телушка, козочки, птица. Хорошо живу» [260], «Коз, овечек по сену оставляю. Два десятка, полтора. Гусей, тех... Вон ту весну восемнадцать гусынь сидело. Да

сам я на печи сотню вывел. Уж сколь тама... Бог ее знает... Много» [с. 260], «А чего считать? Рази перечесть? Индюшек, я знаю, полторы сотни без малого. А гусей да утей... Черт их посчитает. Куры, те самосевом растут. В бурьянах нанесут, на сенике, в дровах, потом ведут цыплят» [260].

Однако более пристальный взгляд обнаруживает, что «приземистый круглый дом под жестью – когда-то лучший в Вихляевском – сейчас одряхлел и понемногу уходил в землю, топорщась рогатой телевизионной антенной» [250], а сам герой, наделяя душой и интеллектом свою живность, ведет с ней задушевные разговоры, и очень смутно помнит картины собственного прошлого, забывает людей, которые его окружали, лишь скудные бледные картины прошлого хранит память Холюши: «А дальше... Что же дальше?! Почему там нет ничего. Ах, есть, есть... Вон мужик в защитной, не обмятой еще гимнастерке... Вон он мелькнул: раз - и все... Где это было? Мелькнул и ушел... А потом?... Ничего больше. Только серая телогрейка да вечный треух. Да нога деревянная... И ничего больше нету. Только мать, старуха с худыми черными ногами, в подоткнутой юбке... Бредет и бредет по мелкому плесу с хворостиной в руках... Птицу гоняет... А еще? Снова треух и телогрейка... А еще?... Снова мать бредет... А еще? И нога деревянная... И вся жизнь. Вот она, на один огляд, скупотмеренная богом. А может, и хватит?..» [269].

Н.В.Ковтун подчеркивает: «Бытие человека, без остатка подчиненное природному ритму, оправданно только при условии абсолютности онтологического закона, когда же вера в него исчезает, приходит смутная тревога, страх, которые и переживает герой» [Ковтун, 2013, с. 80].

И действительно, устойчивость, размеренность и стабильность жизни старика на поверку оказывается лишь видимостью, желаемым: прежняя власть, с которой Холюша был в хороших отношениях, («при любых обстоятельствах никогда никто не сумел низвести Холюшу. Может, потому и терпели его, что всегда и во все времена первым платил он все налоги, страховки, сборы, обложения; по любым поставкам - мясо, молоко ли, яйцо, шерсть - первым на хуторе отчитывался. Облигации выкупал враз и наличными» [257]), изменилась

и повестка ее неясна, силы прежней она не имеет. Односельчане не разделяют энтузиазма Холюши относительно самоотдачи к труду, проявляют безразличие и отсутствие интереса к деревенской жизни, пьянствуют: в тексте их олицетворяет Митька, «колхозный электрик и пьяница» [255].

Но сам Холюша продолжает жить и работать с внутренним убеждением верности избранного пути, ощущением своего предназначения кормильца русского народа: «Для вас, для городских, стараюсь. У Вас тама не сеяно, не пахано. Асфальт кругом. Надо вас поддержать. А то, чего доброго, перемерете» [262]. Старик как зеницу ока хранит уже пожелтевшие от старости квитанции за сданную государству продукцию («Бумажки были всякие: малые и большие, желтые, розовые... Лощеной, гладенькой и простой, затерханной бумаги» [274]), спрятанные в гармошке «в красном углу, на лавке, в деревянном коробе» [266].

Интересно решение автора рассказа в части иллюстрации образа жизни старика Холюши с различных точек зрения. Нарратор, от лица которого ведется повествование, сам герой – «золотой хозяин» – жизнью доволен и счастлив: «Чего жизнь? Жизнь неплохая. Хорошо живу, грех жаловаться. Все есть. Трудюся, вот все и есть. Коровка хорошая, телушка, козочки, птица. Хорошо живу». [260] Родные Холюши, Егор, соседи, представители власти энтузиазма его не разделяют: «Тусклый желтый свет озарил мертвую горницу» [261], «Склепным холодом дышала комната, и Егор поспешил из нее уйти» [261].

Более внимательное прочтение текста обнаруживает огромную пропасть: яркое солнце над подворьем и «склепный холод» дома, в котором нет ни семьи, не детей, лишь одинокий старик, в образе которого просматриваются черты какого-то лешего: «Лицо Холюши было каким-то зольным от седой щетины, которую тот соскребал раз в неделю. Телогрейка и ватник затерханы до лоска» [256], «Ему казалось, что он всегда был вот таким: в треухе и телогрейке, с деревянной ногой» [259], а в поведении – шутовские черты с оттенком юродства, на что указывает и гармошка в красном углу: «Гармошки, которая обычно хранилась в красном углу, на лавке, в деревянном коробе, сверху клеенкой

прикрытая, знаменитая Холюшина гармошка», и «ватное лоскутное одеяло» [256].

В рассказе описана встреча Холюши с его дальним родственником – Егором, который приезжает на усадьбу, чтобы найти воров, угнавших скот золотого хозяина. Холюша убежден в благостности этой встречи: «Господа благодарить за то, что он Егора подослал. Великое ему спасибо, что смилостивился и хочет старость его успокоить. И господу спасибо и Егору» [258]. Егору приходит в голову мысль о необходимости воссоединить семью Холюши, избавлении его от одиночества и обретения нового дома: «теперь все могло сложиться по-доброму. И этому старику будет хорошо рядом с сестрой да племянницей. И женщинам он будет подмогой» [263]. Однако купленный в поселке дом так и не дожидается нового хозяина: Холюша не уйдет с родного подворья, пока не наступит его последний час.

Главный герой изначально даже с некоторым энтузиазмом принял предложение о переезде, однако вскоре приходит к мысли нецелесообразности такой кардинальной смены уклада жизни: «Ведь дом и все хозяйство здесь, на хуторе, а там где-то, там ничего нет. И у Фетиньи за душой ничего нет. И у Егора с внучкой одни только гуни. И конечно, глупо, немыслимо глупо было бы бросать такое поместье, такую землю и куда-то идти, на чужую сторону. Последний недоумок такого не сделает, не то что добрый хозяин» [254]. Сам Холюша живет «взажмурки», а родственники его городские «несмысленные» [271], «они уже обвыклись с другой жизнью, и назад им хода нет» [258].

Перед нами противостояние двух миров – деревни и города, крестьянства и цивилизации – и миры эти несовместимы. «В карты зачну играть. А как же... В лото. Одно слово – пенсионер.» [259] «Цельный день буду сидеть на лавочке, как мытая репа, да семечки грызть. Во как! засмеялся Холюша. – Во какая жизнь пойдет! Не хотел? А чего, куплю, как Петро Васильич, эту... фуражку, натяну на калган. В руки тростку магазинную. И пошел, – Холюша вновь рассмеялся, представив себя в белой полувоенной фуражке и с красивым фабричным батожком.» [259], – так представляет себя Холюша и не может удержаться от

смеха. Переезд в город для старика эквивалентен тому, что он останется голым, станет блаженным дурачком, лишится всего, что ему нужно для жизни. Он прощается со своим хозяйством: «Куды деваться? За пазухой вас держать не будешь... Хошь не хошь, а придется вас в чужие руки отдавать. Не реви... Не тебя одного, всех... Всех попродам... Останусь яко наг, яко благ» [259]

В финале рассказа случается самое главное и долгожданное счастье в жизни золотого хозяина – родилась «золотая телочка»: «Вот она, счастья! Вот она такая счастья! Гляди, Звезда народилась! Звезда!» [260] Счастьем и радостью старика нет предела, кажется это кульминация его бытия, главное счастье его жизни: «А она потом такого молочка нам даст, сладимого из сладимых! Она всех нас прокормит, золотанюшка... Зальет, зальет нас молоком! Не зря старые люди и счас поминают Звездочку! Золотанюшка...» [261], «Вот и будет наша Звездочка рость, людям на завидки. Да в такую коровку подымется. Я в коровах понимаю, я их видал-перевидал. А таких вот, не даст господь сбrehать, таких и в завете нет, – горячо говорил Холюша» [262].

Разделить энтузиазм и радость старика некому: ни агроном, ни Егор не видят в рождении особой телочки ничего знаменательного. Егору же старик, чрезмерно обрадованный появлением на свет какой-то особенной телочки, видится сумасшедшим: «Да ерунда все это ... Дурит дед. С ума сходит. Никуда не денется. Переезжать все равно надо» [262].

Но не увидел Холюша молочные реки от своей Золотанюшки и молока ее не попробовал: умер в ту же весну в начале апреля. Богатое подворье в одночасье приходит в запустение: «Схоронили Холюшу, и в одночасье опустели базы, и у дома крест-накрест забили досками окна. На хуторе о Холюше иногда вспоминали. Чаше по-худому. Реже по-доброму» [273]. Гармошку Холюши, которая, по слухам, таила несметные богатства, случайно обнаружил в «чистом поле» деревенский пьяница Митька. Обнаруженные внутри квитанции он с досадой сжигает на разведенном тут же костре.

Так последнее свидетельство жизни старика обратилось в пепел. Но если прах, пепел, человеческая память и слова людей ненадежны, то «остается дар

сострадания каждого к каждому, продиктованный общим трагическим уделом людей на земле» [Ковтун, 2013, с. 84]. Заключительные строки рассказа показывают нам разгульного Митьку, которому предстоит сделать выбор собственного пути, его притягивает пустынное подворье, облюбованное теперь ласточками: «у Митьки из головы Холюша не выходил. Думалось о нем и думалось» [274]. Собственно, как пишет Н.В. Ковтун: «преодоление власти кромешного, шутовского мира, нарастающего в «голости» и бедности, только через сострадание и возможно, иначе наступает бесчувствие и безмолвие» [Ковтун, 2013, с. 84].

3.3. Повесть «Пиночет»: реализм и утопизм в описании жизни русской провинции

Повесть Б. Екимова «Пиночет», которая была удостоена литературной премии имени Александра Солженицына в 2008 г. с формулировкой «За остроту и боль в описании потерянного состояния русской провинции и отражение неистребимого достоинства скромного человека; за бьющий в прозе писателя источник живого народного языка», также может считаться знаковой в рассмотрении этих акцентов.

Текст зрелого Екимова лишен характерных для его ранних работ импрессионистических начал и романтической символики: с первых строк повести нас встречает жесткий реализм. Главный герой произведения – новый председатель колхоза с «подчеркнуто негероической фамилией Корытин» [Ковтун, 2013, с. 84], в народе более известный по очень выразительному прозвищу Пиночет. В центре сюжета – «идея обхода своей земли (колхоза) для обеспечения ее защиты и целостности. Здесь мы видим переключки с ранними рассказами А. Солженицына и В. Распутина “Прощание с Матерой”» [Ковтун, 2013, с. 84].

Жители деревни, колхозники, изображаются слабыми, безвольными и не столько бессовестными, сколько неразумными и недалекими людьми, словно дети: «Это ведь детский сад, детишки, как их оставишь. При спичках...

Хату сожгут. <...> Детвора... Ныне будем пряники есть, конфетами закусывать. А завтра от голода заревем. В Бударинском колхозе племенную ферму, тысячу двести коров, за неделю на мясо порезали, продали. И весь район им завидовал: забогатели, на свадьбах гости по миллиону жениху с невестой “на блюдо” клали. Чем завтра будут жить – об этом загаду нет. И у нас такие же. Лишь отвернись, все порежут, все растянут. Одни – на пропой, другие – на шоколадки. Детвора... Хоть и взрослые люди»³ [39].

Люди не способны сами организовать свое существование, они погрязли в воровстве, им нужна сильная рука, хозяин, наставник: «Без хозяина – вовсе конец. Поставят абы кого... Вон в Грачах. Поставили бабу – и за ночь разнесли мастерскую. Все дочиста. Вплоть до ворот» – который не просто поможет выжить, а жить достойно: «Как мы хорошо жили при твоём бате! Может, и ты возьмешься?..» [22]

Корытин младший, ещё в недавнем прошлом преуспевающий чиновник, оставляет службу и принимает в управление разваливающийся колхоз из рук умирающего отца к его великому облегчению. Близкие люди видят в Корытине богатыря, избавителя: «Батя послал? Точно? Илью Муромца... Лети, мол, спасай. Уборка! Зимовка! Без догляду!» [23]; нежелающие же перемен противники – диктатора, Пиночета. Примечательно, что самый большой негативный отклик, отторжение и непринятие новых правил, обвинения в сумасшествии и тирании исходят от старух, которые, казалось бы, являясь хранительницами традиций, должны поддержать наведение порядка: «Пиночет! Пиночет проклятый! – Искажённое хмелем и злобой морщинистое беззубое лицо старухи было страшным. – Пиночетина!! Чтоб тебя!..» [6]

Новый «золотой хозяин» противостоит не только прошлому, но и настоящему. Корытин фактически идет против истории, намереваясь возродить колхоз во что бы то ни стало. В соседних селах бесхозяйственность и

³ Здесь и далее цитаты даются по изданию: *Екимов Б. П. Пиночет* // Новый мир. 1999. № 4. С. 39. В скобках указываются номера страниц.

бездумность привели к полному обнищанию: племенные стада идут под нож, люди годами не видят зарплаты. Кобытин же поступательно идет в направлении вывода своего колхоза из разрухи. Отметим тот факт, что прежняя колхозная модель хозяйствования вспоминается людьми, как благо: «Господи, господи... – проговорила женщина. – Как жили... – Она была еще не старой, со следами былой миловидности. – Как жили при нем... Горя не знали. Хату колхоз построил. Детсадик бесплатно, в школе тоже бесплатно кормили. Правда что – коммунизм. Лишь не знали про это. А ныне... Скоро и работы лишимся» [16]. Таким образом, автор позитивизирует идеи прошлого, которые были отвергнуты временем и утратили свою актуальность в настоящем.

Кобытин берется за дело решительно и жестко, методы его нелояльны и беспощадны, ибо людей надо держать в ежовых рукавицах: «А как можно? – спросил он. – Такое нынче время, сама видишь. Все я понимаю не хуже тебя, не хуже моего сынка ученого, не хуже сватьев. Но у вас – слова, а у меня – живые люди. Их держать надо внаглую, иначе все пухом-прахом пойдет! Держаться надо нам, понимаешь, держаться!» [40] Председатель освобождает хутор от чеченцев, которые грабят колхоз, – действует жестко и безапелляционно: «Когда спросят, ответишь. А сейчас слушай внимательно. Краденое колхозное зерно, порядка десяти тонн. Двенадцать голов скота, украденных в Иловлинском районе, колхоз “8 Марта”. Порода абердино-ангусская, клейма повреждены. Незаконное хранение огнестрельного оружия. <...> Слушай внимательно. Или тебя с сыновьями они забирают, – кивнул он в сторону военных, – или другой вариант. Называешь адрес за пределами нашей области. Забираешь скот, кроме этих бычков. Забираешь семью, имущество, и тебя везут по твоему адресу. Прямо сейчас. Выбирай. Времени на раздумья у тебя нет» [32]. Пресекает на корню любые попытки воровства зерна из колхоза, не спит ночь, лично совершает рейды по ворам: «Ворованное зерно обнаружено у Моргунова. Дело передано в прокуратуру. Краденое изъято. Пре-ду-пре-ждаю, – громко, отдельно и внятно сказал Кобытин, – воровства зерна не допущу. Ни от комбайнов, ни при перевозке, ни с тока» [33]. Железная дисциплина, жесткий контроль (по дорогам

встают караульщики, по периметру коровников пускается колючая проволока), твердая рука, которая не знает пощады, система, где доносительством занимаются даже дети.

Помощником Коротова в повести выступает маленький мальчик, судя по всему, внебрачный сын старого председателя: мальчишка прекрасно осведомлен о всех делах в колхозе, деловит и очень напоминает того самого тимуровца, которым младший Коротин был в детстве: «... я – коммунист. И ведь не отблещешься. В пионерах, в комсомольцах выросли. Помнишь? Как стремились туда! Старались... Тимуровцы. Чтобы старым помогать. В школе отстающих подтягивать, чтобы звено не позорили, отряд. Все было. Не скинешь с руки» [39].

В этом произведении Борис Петрович словно ищет возможные варианты устройства жизни, которые помогут выстоять, победить разруху в душе и мире. Главный герой получает минимальную поддержку, круг его единомышленников крайне узок, остальное население хутора показано как совершенно равнодушная ко всему масса, с молчаливого согласия и через пособничество которой и развалили когда-то богатое хозяйство. Они как будто даже ближе к тем чеченцам, которые обманом и воровством нажили свое состояние, подчинив волю селян, которые не могут и отчасти не хотят противостоять беззаконию. С расхитителями добра и ведет свою борьбу Коротин-младший: он верен себе и своему пути, и он не отступится. Повесть «Пиночет» очень интересна с точки зрения ярких противоречий между высокой целью и теми средствами, которые избирает герой (цель оправдывает средства?) – тирания, доносительство, деспотизм.

«Какой еще Пиночет?.. При чем тут этот генерал? При чем далекая страна и диктатор ее?.. Брат ее – вовсе другой: сероглазый, с мягким рисунком губ, улыбчивый, добрый – не даром девчата его любили. Таким и остался» [6], – думает сестра, глядя на Коротина, а он вынужден стать тираном и диктатором, чтобы спасти вверенный ему колхоз. Писатель в сюжете подчеркивает неотвратимость сделанного персонажем выбора, полного трагизма. Текст начинается сценой встречи председателя с сестрой, заканчивается ее

пророчеством о скорой гибели: «Мамочка умерла молодой, от сердца. Брат так похож на нее лицом и характером. Весь в маму. Не дай, не дай бог...» [43]

В художественном мире Екимова герои сталкиваются с необходимостью принятия судьбоносных решений, находясь в условиях неопределенности, в основе которой – социально-общественная повестка, смена культурной парадигмы: «от следования патриархальной традиции до демократии и жесточайшей диктатуры, причем ни одна из моделей не представляется достаточно перспективной» [Ковтун, 2013, с. 84]. В этой непростой ситуации сильные духом, высоконравственные, волевые герои Екимова бросают вызов не только алчности и бесхарактерности, но и самому ходу истории, а это указывает на богатырский масштаб личности.

Подводя итог вышесказанному, можем отметить, что утопические мотивы в повести «Пиночет» связаны прежде всего с надеждой на то, что найдутся «крепкие хозяйственники», которые будут заботиться о земле, но на деле эти идеи иллюзорны – заботиться о земле способны только редкие одиночки, которые в этой связи и выглядят героями.

Выводы по третьей главе

В художественном мире Екимова герои сталкиваются с необходимостью принятия судьбоносных решений и нравственного выбора, находясь в условиях *неопределенности*, в основе которой – социально-общественная повестка, смена культурной парадигмы: «от следования патриархальной традиции до демократии и жесточайшей диктатуры, причем ни одна из моделей не представляется достаточно перспективной» [Ковтун, 2013, с. 84]. В этой непростой ситуации сильные духом, волевые герои Екимова бросают вызов не только алчности и бесхарактерности, но и самому ходу истории, а это, как подчеркивает Н.В. Ковтун, «указывает на богатырский масштаб личности» [Ковтун, 2013, с. 84].

Ярким примером произведения автора, в котором представляется ситуация нравственного выбора, дается описание человеческой психики героя в канун социальных изменений служит повесть «Пастушья звезда». Тимофей, как и многие другие герои Б. Екимова, с виду невзрачный и ничем не примечательный человек, но он умеет испытывать и проявлять подлинные чувства – любовь и заботу о ближнем. Главный герой повести, переживая эти тяжелые времена, как и другие жители страны, не ломается под силой обстоятельств и общими настроениями, он сохраняет высокие моральные ориентиры, живет под своей «звездой», и она ему ориентир в честной жизни и добросовестном труде. Автор намечается эвпсихия, утопия внутреннего самоустroительства души, которая притягивает, спасает и другие одинокие души. Бытие героя, его личность - и точка притяжения «страждущих», что будет и позднего Распутина в рассказе «Изба», например. «С повести “Пастушья звезда” отчетливо движение писателя от онтологической проблематики, составляющей основу традиционалистской прозы, к экзистенциональной» [Ковтун, 2013, с. 82].

Аналогичный эффект наблюдается и в рассказе «Холюшино подворье»: «Сколько много вмещается в долгую человеческую жизнь: две большие войны, скитания вдали от родного дома в гиблых песках и много другого, несладкого,

но помельче, которого уж не держит память» [Екимов, 1984, с. 107. «Автор подводит героя к необходимости понимания несовершенства законов онтологии и истории, невозможности скрыться от настоящего ни на ковчеге Завета, ни в пределах легендарного Беловодья. Б. Екимов прозревает в современном человеке экзистенциальное сознание» [Ковтун, 2013, с. 82].

Повесть Б. Екимова «Пиночет», которая была удостоена литературной премии имени Александра Солженицына в 2008 г. с формулировкой «За остроту и боль в описании потерянного состояния русской провинции и отражение неистребимого достоинства скромного человека; за бьющий в прозе писателя источник живого народного языка», может считаться знаковой в решении нашей темы. В центре сюжета – идея обхода своей земли (колхоза) для обеспечения ее защиты и целостности. Только вместо идеального культурного героя, богатыря является Пиночет.

Жители деревни, колхозники, изображаются безвольными и не столько бессовестными, сколько неразумными, словно дети. Люди не способны организовать свое существование, они погрязли в воровстве, им нужен Хозяин, наставник, который вернет бытие к прежнему идиллическому распорядку и процветанию. Новый «золотой хозяин» бросает вызов самому времени, истории, намереваясь возродить процветающий колхоз во что бы то ни стало, однако, методы его беспощадны, а вместо идеального хозяйства образуется зона, обнесенная колючей проволокой.

В этом произведении Борис Петрович словно ищет возможные варианты устройства жизни, которые помогут выстоять, победить разруху в душе и мире. Главный герой получает минимальную поддержку, круг его единомышленников узок, остальное население хутора показано как равнодушная ко всему масса, с молчаливого согласия которой и развалили когда-то богатое хозяйство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятие «утопия» сложно и многозначно, однако при всем разнообразии смысловых оттенков основная функция этого явления сводится к обозначению лучшего мира, призванного служить образцом общественного устройства. Во всех определениях утопии присутствуют два ключевых понятия – место и будущее, оба с обусловленными смыслами: место, которого нет, а будущее не существует по своему определению, что ставит под сомнение наличие временной конкретности.

Жанровая природа литературной утопии представляет собой сложное явление. Теоретическую основу типологии метажанра литературной утопии составляет ряд черт, позволяющих подчеркнуть ее многоаспектность и полифункциональность. В качестве определяющих и доминирующих назовем такие особенности, как пограничный характер бытования литературной утопии, наличие в ней двоемирия, особая нарративная и пространственно-временная структура текста, моделирующие свойства, присутствие вымысла, близость к романной форме и др.

Интерес к утопии всегда обостряется в кризисные времена, поскольку утопия дает простор творчества разочарованному в текущих реалиях творцу распоряжаться судьбами мира и человечества по своему усмотрению. Весьма благоприятная почва для распространения утопических идей возникла в России во второй половине 1960-х годов, в так называемый «постоттепельный» период, когда возрождение традиционных ценностей виделось одним из вариантов исхода: именно эти начала отражала «деревенская проза».

К 1970-м годам в контексте «деревенской прозы» формируется утопический дискурс, отличительная особенность которого состоит в том, что «профанному настоящему противопоставляется идеальное прошлое». Художественные произведения представителей этого литературного течения отличает глубокая идейно-философская мысль, широкий круг бытийной экзистенциальной проблематики, вбирающая в себя вечные и важные вопросы

человечества: «человек и история», «любовь и смерть», «человек и Родина», «человек и государство», «свобода и выбор», «осознание национальной идентичности», «человек и Бог».

Н.В. Ковтун отмечает: «Разрушение надежд на восстановление значимости крестьянской Руси, неосуществимость циклической модели истории равнозначны гибели самой истории, ее распыления, десемантизации. Перед неотвратимостью неизбежного писатели и пытаются сохранить еще видимые, живые черты патриархального мира, уже уходящего в небытие. Именно в этом чувстве обреченности кроется причина особого трагизма мироощущения авторов» [Ковтун, 2009, с. 24].

Ожидание апокалипсиса, усиление антиутопических настроений – вот что отличает поздние тексты авторов этого направления: они приобретают апокалиптический окрас, определяемый тем, что «реальность преодолевает границы патриархальной утопии». Тогда-то люди начинают осознавать весь ужас происходящего, ту огромную пропасть, что лежит между настоящим, погрязшим в пороках и безверии, и канувшего в лета патриархального прошлого, которое отличало высокая мораль и безупречная нравственность.

Роль традиционализма в литературном процессе второй половины XX века одна из ключевых: авторы-«нравственники» (по А. Солженицыну) первыми почувствовали надвинувшуюся беду – разобщенность общества, утрату нравственных, духовных связей, именно они оценили эту проблему как главную проблему времени. Авторы не просто бьют тревогу за духовное и нравственное падение общества, они показывают на какие начала культуры и морали необходимо опираться для преодоления морального кризиса. Художественные произведения представителей этого течения (Ф. Абрамов, Яшин, В. Белов, В.Г. Распутин, ранний В.М. Шукшин, В. Личутин, Б.П. Екимов) отличает глубокая идейно-философская мысль, широкий круг бытийной экзистенциальной проблематики. Именно в их текстах оформляются оригинальные проекты преобразования бытия, идеи Беловодья, града Китежа подсвечивают картины настоящего: таковы Сладкий остров Яшина, утопически

прекрасная Матера Распутина, Беловодье Личутина, Холюшино подворье Екимова.

Литературный критик Е. Старикова выделяет три направления развития традиционализма: выход в проблемы экологии и натурфилософии (характерно для В. Распутина); социально-психологическое исследование судеб крестьян разных поколений (линия, идущая от Ф. Абрамова); поворот к исследованию исторического прошлого русской деревни («Кануны» В. Белова) [Старикова, 1988, с. 109]. Мы же акцентируем утопическую составляющую в творчестве традиционалистов.

Бориса Петровича Екимова часто называют последним деревенщиком. Основные составляющие его прозы: вера в духовные, нравственные силы народа, который может и должен стать хозяином собственной земли, важность категорий памяти, традиции, высокие ценностные идеалы и жизненные ориентиры. Один из центральных персонажей автора – Хозяин, который способен выстроить «рай на земле», создать хозяйство, отделенное и удаленное от грешных «прочих земель». Когда мир отступает от извечных крестьянских правил и ценностей, начинается разруха в душах и домах, тогда и вынужден встать на место Хозяина Пиночет.

В творчестве Екимова ключевую роль играют рассказы, которые знакомят читателя с судьбами крестьян разных поколений, их историей, понимаемой одновременно и как история земли как Книги. В этом отношении можно провести параллель между текстами Бориса Петровича и Федора Александровича, Екимова и Распутина.

Отличительные особенности творчества зрелого Екимова по отношению к основоположникам литературного течения – В. Астафьеву, В. Распутину – видятся в «сдержанности» в разрешении конфликтов, характерных для «деревенской прозы» (конфликт города и деревни, социума и природы, традиций и инноваций, добра и зла, духовности и алчности); события в его текстах предстают с нескольких точек зрения, что свидетельствует неоднозначность бытия». Безусловно, творчество Бориса Екимова и старой школы деревенщиков

имеет много общего: герои произведений, их система ценностей и нравственные устои, особое миропонимание и психологизм, язык. Объединяет представителей традиционалистской прозы и разворот в отношении писателей к современности

Ярким примером произведения автора, в котором представляется ситуация нравственного выбора, дается описание человеческой психики героя в канун социальных изменений служит повесть «Пастушья звезда». Автор в самом начале повествования не просто намечает типичную для «деревенской прозы» оппозицию «бездушного города» и села с его традиционными ценностями, идеалами, но и показывает результат действия цивилизации, невыносимое одиночество человека в кругу близких ему людей.

Тимофей, как и многие другие герои Б. Екимова, с виду невзрачный и ничем не примечательный человек, но он умеет испытывать и проявлять подлинные чувства — любовь и заботу о ближнем. Главный герой повести, переживая эти тяжелые времена, как и другие жители страны, не ломается под силой обстоятельств и общими настроениями, он сохраняет высокие моральные ориентиры, живет под своей «звездой», и она ему ориентир в честной жизни и добросовестном труде. Автор намечается эвпсихия, утопия внутреннего самоустроительства души, которая притягивает, спасает и другие одинокие души. Бытие героя, его личность - и точка притяжения «страждущих», что будет и позднего Распутина в рассказе «Изба», например. «С повести “Пастушья звезда” отчетливо движение писателя от онтологической проблематики, составляющей основу традиционалистской прозы, к экзистенциональной» [Ковтун, 2013, с. 82].

Аналогичный эффект наблюдается и в рассказе «Холюшино подворье»: «сколь много вмещается в долгую человеческую жизнь: две большие войны, скитания вдали от родного дома в гиблых песках и много другого, несладкого, но помельче, которого уж не держит память». «Автор подводит героя к необходимости понимания несовершенства законов онтологии и истории, невозможности скрыться от настоящего ни на ковчеге Завета, ни в пределах

легендарного Беловодья. Б. Екимов прозревает в современном человеке экзистенциальное сознание» [Ковтун, 2013, с. 82].

Повесть Б. Екимова «Пиночет», которая была удостоена литературной премии имени Александра Солженицына в 2008 г. с формулировкой «За остроту и боль в описании потерянного состояния русской провинции и отражение неистребимого достоинства скромного человека; за бьющий в прозе писателя источник живого народного языка», может считаться знаковой в решении нашей темы. В центре сюжета – идея обхода своей земли (колхоза) для обеспечения ее защиты и целостности. Только вместо идеального культурного героя, богатыря является Пиночет.

Жители деревни, колхозники, изображаются безвольными и не столько бессовестными, сколько неразумными, словно дети. Люди не способны организовать свое существование, они погрязли в воровстве, им нужен Хозяин, наставник, который вернет бытие к прежнему идиллическому распорядку и процветанию. Новый «золотой хозяин» бросает вызов самому времени, истории, намереваясь возродить процветающий колхоз во что бы то ни стало, однако, методы его беспощадны, а вместо идеального хозяйства образуется зона, обнесенная колючей проволокой.

В этом произведении Борис Петрович словно ищет возможные варианты устройства жизни, которые помогут выстоять, победить разруху в душе и мире. Главный герой получает минимальную поддержку, круг его единомышленников узок, остальное население хутора показано как равнодушная ко всему масса, с молчаливого согласия которой и развалили когда-то богатое хозяйство.

Итак, проза традиционализма, маркированная утопическими интенциями, не утрачивает своей актуальности, у нее есть свои последователи (М. Тарковский) и те, кто оспаривает возрождение «крестьянского лада» (Р. Сенчин в «Зоне затопления»).

Направления традиционализма, которые актуальны в современной прозе:

- экологическая проза во всем её многообразии,
- неосентиментализм.

Основными направлениями проблематики в «деревенской прозе» на ближайшие несколько, как нам представляется:

– разнообразные вариации появятся в социальной тематике. Одна из самых ужасающих тем – высокая смертность молодых людей до 35 лет в деревне, а также низкий уровень жизни, отсутствие «социальных лифтов», в том числе в виде миграции людей в город;

– неотъемлемой частью традиционализма останутся лирические мотивы любви к природе, философско-бытийные размышления и духовные поиски писателей. Как в городе, так и в деревне люди по-прежнему нуждаются в ответах на вечные вопросы о смысле и ценности жизни, о природе добра и зла, о вере и безверии и возможных исторических путях развития своей страны.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Методические аспекты изучения творчества Б.П. Екимова в школе

Современные требования ФГОС к образовательному процессу в средней школе требуют формирования компетенций, способных ориентировать учащихся к практической деятельности в жизни. Развитие коммуникативных способностей напрямую влияет на следующие компетенции:

- формирование мыслительной деятельности;
- способность ясно и полно излагать собственные мысли и суждения.

Через межпредметную связь и технологии интеграции, на наш взгляд, формирование коммуникативной компетенции, отчасти является задачей преподавания литературы в школе.

Методисты И.С. Сергеев, В.И. Блинов рекомендуют формировать коммуникативные способности учащихся в различных упражнениях устной и письменной речи, что даст развитие не только простому общению как таковому, но и появлению желания грамотно, правильно выражать свои мысли⁴.

К подобным упражнениям относятся составления разного рода как письменных, так и устных текстов в виде сочинений, изложений, эссе, докладов, сообщений. Особенно учащимся нравятся упражнения творческого характера, где нужно или отстоять свою точку зрения на особенности характеристики того или иного героя, или возможности проявить своего рода «домысливания» авторского взгляда без намерения исказить идейную направленность текста. Главное – развить творческий потенциал учащихся в формировании данной компетенции.

В современном литературоведении общее понятие регионального текста складывается, в том числе, под влиянием работ В.Н. Топорова о локальном тексте как о «комплексе образов, мотивов, сюжетов, который воплощает авторскую модель бытия»⁵.

⁴ Блинов И.С. Как реализовать компетентностный подход на уроке и внеурочной деятельности : Практическое пособие / И.С. Сергеев, В.И. Блинов. – М.: АРКТИ, 2009. – с.23

⁵ Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс – Культура, 1995. С.274

Исследователь Е.Ш. Галимова предложила для анализа региональных текстов использовать определенный алгоритм действий, включающий следующие элементы:

- наличие исходного мифа, лежащего в основе художественных построений;
- пространственно-временная организация текста;
- система лейтмотивов;
- сквозные образы (архетипические, мифопоэтические)⁶.

Опираясь на данные положения <...>, предлагаем такую типологию приемов анализа регионального художественного текста:

- этимологический анализ, реконструирующий национальную картину мира по языковым данным;
- лексико-семантический анализ, предполагающий выявление сущности ключевого слова, лежащего в основе произведения;
- приемы, способствующие созданию образных ассоциаций (выстраивание образных цепочек);
- приемы, направленные на рефлекссию образов-символов художественного текста;
- приемы воссоздания «национальной картины мира» в творчестве регионального автора⁷

⁶ Галимова Е.Ш. К вопросу о методологии исследования локальных (городских и региональных) литературных текстов (на примере Северного текста русской литературы) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX – XX вв.). Серия «Универсальные культуры». Вып. VI: / отв.ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта: Наука. 2015. С.379

⁷ Кольчикова Н.Л. Приемы изучения регионального художественного текста в школе // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. 2020. №2. – с.128

Разработка внеурочного мероприятия в 11 классе по изучению творчества Б.П. Екимова

Тема внеурочного мероприятия:

«Летописец российской провинции: творчество волгоградского писателя Бориса Петровича Екимова»

Цели внеурочного мероприятия:

1. Обучающая: познакомить учащихся с биографией и творчеством волгоградского писателя-«деревешника» Бориса Петровича Екимова.
2. Развивающая: продолжить формировать навыки анализа литературных текстов, развивать способности обобщать полученную информацию и выделять главное, формулировать вопросы по тексту и отвечать на поставленные вопросы, основываясь на прочитанном, формулировать заключения и делать выводы, а также развивать умение работать в команде.
3. Воспитательная: используя тексты писателя, обсудить с учащимися нравственную проблематику, иллюстрированные текстом ситуации с историями из реальной жизни, с собственными поступками.

Задачи внеурочного мероприятия:

1. Познакомить учащихся с личностью и творчеством Б.П. Екимова.
2. Сформировать представление об основных темах, волнующих писателя, об особенностях его стиля.
3. Отработать навыки работы в команде, приемы анализа и интерпретации произведения малого жанра.

Подготовка: Класс делится на две команды, каждая из которых получает задачу прочитать свой рассказ и выполнить задание по тексту.

Команда 1:

- читает рассказ «Холюшино подворье»;

- выписывает из текста слова-диалекты, формирует Глоссарий;
- готовит ответ на вопрос: «Как вы думаете, какова роль диалектизмов в художественном произведении? Почему Борис Петрович так щедро снабдил ими текст?

- подготовить выразительное чтение наиболее понравившегося эпизода рассказа.

Команда 2:

- читает повесть «Пиночет»;
- готовит ответ на вопрос: «Кто такой Пиночет, что вы узнали о нем? Как вы думаете, почему повесть получила такое название?»;

- выписать из текста слова-эпитеты, которые характеризуют главного героя;

- подготовить выразительное чтение наиболее понравившегося эпизода рассказа.

ТСО:

- презентация к уроку;
- тексты рассказа и повести;
- выставка книг Б. Екимова, подготовленная силами учеников и школьной библиотеки.

Вид урока:

- урок-сообщение нового материала;
- работа в командах с элементами эвристической беседы, исследовательского метода творческого чтения.

Форма урока:

Урок – литературный клуб.

ХОД ВНЕУРОЧНОГО МЕРОПРИЯТИЯ

1. Вступительное слово учителя

19 ноября 1938 года в городе Игарка Красноярского края родился прозаик, публицист Борис Петрович Екимов.

Работал токарем, слесарем, наладчиком, электромонтёром на заводе, строителем в Тюменской области и в Казахстане, учителем труда в сельской школе. Как прозаик дебютировал в 1965 году. В 1976 году был принят в Союз писателей России, а в 1979 году окончил Высшие литературные курсы. Создал более двухсот произведений. Печатается в литературных изданиях: «Наш современник», «Знамя», «Новый мир», «Нива Царицынская», «Россия».

Произведения Бориса Екимова переведены на английский, испанский, итальянский, немецкий, французский и другие языки. Повесть «Пастушья звезда» включена в «Президентскую историческую библиотеку» – серию выдающихся произведений российских авторов. Член правлений Союза писателей РСФСР (с 1985 по 1991 годы) и Союза писателей России (с 1994 года). Был членом редколлегии еженедельника «Литературная Россия» (с 1987 года). Член редколлегии журналов «Отчий край», «Роман-газета» (с 1998 года). Член комиссии по Государственным премиям при Президенте РФ (с 1997 года). Входил в жюри Букеровской премии (1997).

Первая его книга – «Девушка в красном пальто» – вышла в издательстве «Современник» в 1974 году. Затем появились такие книги, как: «У своих», «Офицерша», «Доехала благополучно», «Последняя хата», «Ночь исцеления» и другие. Настоящая же известность пришла к Борису Екимову после появления в «Нашем современнике» (1979, №3) рассказа «Холюшино подворье».

Бориса Екимова нередко называют «проводником литературных традиций Донского края». Лейтмотив его произведений – реальные жизненные будни простого человека.

Творчество Б. Екимова пронизано тревогой за судьбу человека, за его нравственное начало, будущее. Центральный вопрос в его произведениях –

вопрос о самоопределении человека в жизни. Герои его рассказов и повестей – жители донских хуторов, простые люди, одним словом – мы.

Обратимся же к живому слову Бориса Екимова, постараемся понять все то, что он хотел сказать нам, своим читателям, повествуя о таких непростых судьбах простых, казалось бы, людей – своих героев.

2. Анализ рассказа «Холюшино подворье»

«ХОЛЮШИНО ПОДВОРЬЕ»

Эпиграф: «Старость, пойми ты, старость пришла. Все, отвоевался».

Б. П. Екимов

Представитель первой команды излагает суть рассказа «Холюшино подворье», остальные учащиеся дополняют его ответ, читают с выражением понравившиеся отрывки рассказа.

После завершения рассказа учеников слово берет учитель и предлагает обсудить услышанное, отвечая на следующие вопросы:

Учитель предлагает обсудить услышанное.

1. Какое впечатление произвел на вас рассказ «Холюшино подворье»? Какие чувства вы испытали после его прочтения?

2. Каким представляется нам главный герой рассказа Варфоломей Вихлянцев? Какие черты характера присущи Холюше? Чьи описания и оценки мы можем найти в тексте?

3. Как вы думаете, какую роль выполняют приемы несобственно-прямой речи, использование диалектных слов?

4. Какие основные черты характера присущи старику Халамею? Как вы думаете, почему этот герой вызвал противоречивые отзывы критиков и читателей? С чем может быть связана однобокость суждений в отношении героя?

5. Найдите в тексте и прочитайте фрагменты, которые опровергают негативные характеристики «золотого хозяина» такие как алчность, скупость, расчетливость, и которые позволяют понять глубину и суть поступков героя.

6. Как вы думаете, в чем заключается смысл жизни для Холюши? Всегда ли труд облагораживает человека, по вашему мнению? Как вы считаете, почему автор изменил первоначальное название рассказа, почему Холюша – «золотой хозяин»?

7. В образах каких других героев «деревенской прозы» воплощается идея нравственной потребности в труде? Что объединяет героев этих произведений с образом Холюши?

В окончании обсуждения учитель зачитывает фрагмент из статьи И.В. Великановой:

«Действительно, только каждодневные хлопоты способны наполнить смыслом существование Холюши, изредка одарить подлинной радостью. Без этой работы, привычка к которой впитана с молоком матери, жизнь для него попросту утратит всякий смысл. Купленный в поселке дом так и не дожидается нового хозяина: Холюша не уйдет с родного подворья, пока не наступит его последний час».

Учитель совместно с учениками подводит итог: труд Холюши, как и весь крестьянский труд вообще, наполнен своего рода поэзией, гармонией, что и является подлинной и высокой наградой земледельца. Слово хозяин в устах Б. Екимова – высшая оценка человека и его отношения к окружающему... хозяин значит живущий собственным трудом, великий труженик. Это – основной источник, питающий героев писателя уверенностью в жизни; им определяются и все другие людские качества.... Основа существования Холюши, радость его бытия составляют ежедневный труд, работа по хозяйству, любовь и привычка к которой впитаны им с молоком матери, без этой деятельности, без этого изнуряющего труда, без своего родного подворья крестьянин просто утратит смысл своей жизни.

3. Анализ повести «Пиночет»

«ПИНОЧЕТ».

Эпиграф: «Душу живу... сохранить».

Представитель второй команды излагает суть повести «Пиночет», остальные учащиеся дополняют его ответ, читают с выражением понравившиеся отрывки рассказа.

После завершения рассказа учеников слово берет учитель и предлагает обсудить услышанное, отвечая на следующие вопросы:

Вопросы для обсуждения:

1. Какое впечатление произвела на вас повесть «Пиночет»? Какие чувства вы испытали после ее прочтения?

2. Что вам удалось узнать о том кто такой Пиночет? Как вы думаете, почему писатель дал своей повести такое название, какой в этом смысл и почему главного героя произведения называют Пиночетом?

3. Что вы можете сказать о состоянии деревни до прихода Корицина-младшего и после него? Что изменилось? Как вы можете оценить эти изменения?

4. Почему сестра Екатерина так переживает за Корицина-младшего, когда узнает, что его прозвали в колхозе Пиночетом?

5. Как вы считаете, почему в деревне так явно видна разница между богатыми и бедными? Почему люди воруют в колхозе?

6. Учитель предлагает разделиться на 6 команд и провести мини-дебаты относительно нескольких ситуаций из повести, где Корицин-младший проявил жестокость, как кажется жителям этой деревни. Подготовьте, пожалуйста, аргументы «за» и «против» по каждой ситуации:

Ситуация 1. Женщина, которая воровала поросят.

Ситуация 2. Ситуация с Вахой.

Ситуация 3. Ситуация с Моргуновым.

7. Как вы считаете, справедливо ли утверждение: «Хочешь жить – умей вертеться» / «Деньги не пахнут»? Есть ли рамки и грань, которую переступать нельзя?

8. Всегда ли преступление соответствует наказанию? Можно ли оправдать поступок обстоятельствами, из-за которых он был совершен?

Учитель совместно с учащимися делает вывод

В прозе Б.Екимова «деревенская тема» стала одной из ведущих, где автор пытается разобраться в причинах и сути, происходящих на селе изменений. Автора привлекают герои-личности, люди, которые не перекладывают вину за свои беды на обстоятельства («каждый повинен в жизни своей и волен в ней»). Они сами противостоят, как могут, «смерчу разрушения». Таков председатель полуразворованного колхоза, железной рукой - за что и прозван Пиночетом - пытающийся сохранить хоть что-то в общем хозяйстве. Под градом всевозможных перемен люди мечутся: одни тянутся к привычному укладу, другие пробуют новое, а сам писатель, знающий все их проблемы, считает, что его дело не учить, а «лишь догадываться, что там, в душе человеческой».

4. Индивидуальные задания по пройденному материалу

Индивидуальные задания по рассказу «Холюшино подворье».

Учащимся предлагается на выбор:

1. «Перевести» на литературный язык любой небольшой фрагмент текста, содержащий диалектизмы, и письменно сравнить получившиеся варианты.
2. Составить глоссарий, содержащий 20-30 диалектных слов из рассказа «Холюшино подворье». При выполнении задания рекомендуется использовать словарные источники.

Индивидуальные задания по повести «Пиночет».

Учащимся предлагается на выбор:

Напишите сочинение-миниатюру на одну из тем:

1. Прочитайте «Пиночет», выделяя описания хутора и дома («тёплый очаг», «пустые дворы»). Подготовьте 3–5 аргументов для дебатов на тему «Хутор в «Пиночете» как символ сопротивления или неизбежного упадка?». Каждый аргумент должен включать тезис, цитату и обоснование.
2. Напишите эссе на тему «Такие нынче времена»;

Учитель: теперь, когда мы с вами познакомились с произведениями нашего земляка, замечательного писателя Б. Екимова, проведем небольшую тест-викторину, чтобы вспомнить еще раз об услышанном и понятом на уроке.

4. Игра в командах

ТЕСТ-ВИКТОРИНА

Методическое обоснование:

Вопросы к викторине готовит учитель, они не ожидаемы учениками, также, как и предложенная форма опроса. Каждый ученик заполняет бланк ответов индивидуально.

1) Лауреатом какой из перечисленных литературных премий Б.П. Екимов не является?

- А) премии имени И. Бунина;
- Б) премии Александра Солженицына;
- В) государственной премии за произведения для детей и юношества;
- Г) премии за лучшую прозу журнала «Новый мир».

(Ответ: В)

2) Какова подлинная причина «неуемной жадности Холюши к труду»?

- А) алчность;
- Б) любовь к животным;
- В) желание накопить денег;
- Г) без этого труда он не видит смысла в своей жизни.

(Ответ: Г)

3) Кто называет Корытина «Пиночетом»?

- А) Катерина;
- Б) Пьяна женщина у крыльца магазина;
- В) Тетка Прося;
- Г) Моргун.

(Ответ: Б)

4) Какую машину водит Коротин?

А) «Волгу»;

Б) «Оку»;

В) «Ниву».

(Ответ: В).

5) Каким именем НЕ называют главного героя «Холюшиного подворья»?

А) Холюша;

Б) Варфоломей Вихлянец;

В) Холюшка;

Г) Халамей Максимович (Максимиш);

Д) Николай;

Е) Халамей;

Ж) Фаламей;

З) Георгий.

6) Кто по профессии Егор, родственник Холюши?

А) милиционер;

Б) врач;

В) агроном;

Г) нет верного ответа

(Ответ А)

7) Где родился Борис Екимов?

А) г. Игарка, Красноярский край

Б) г. Волгоград

В) п. Овсянка, Красноярский край

Г) г. Челябинск

(Ответ А)

8) Как зовут сестру Корицина-младшего?

А) Елизавета

Б) Екатерина

В) Евгения

Г) Елена

(Ответ Б)

9) Кто из перечисленных ниже писателей не относится к течению «деревенской прозы»?

А) Виктор Астафьев

Б) Василий Шукшин

В) Антон Чехов

Г) Валентин Распутин

(Ответ В)

Подведение итогов урока, викторины, награждение победителей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анашенков, Б. Эхо негероического бытия / Б. Анашенков // Лит. обозрение. – 1980. – № 7. – С. 38–42.
2. Астафьев, В.П. Полное собрание сочинений с приложениями. В 15 т. Т. 8. / В.П. Астафьев. – Красноярск, 1997. – 422 с.
3. Баталов, Э.Я. В мире утопии: пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах / Э.Я. Баталов. – Москва : Политиздат, 1989. – 320 с.
4. Белая, Г. Художественный мир современной прозы / Г. Белая. – М. : Наука, 1983. – 192 с.
5. Большакова, А.Ю. Роли сюжета в русской литературе: от соцреализма к классике XX века / А.Ю. Большакова // Филологический класс. – 2015. – №3(41). – С. 58–61.
6. Буланов, А.М. Рассказы Б.П. Екимова и русская литературная традиция: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / А.М. Буланов, М.В. Мокрова. – Волгоград: Перемена, 2007. – 89 с.
7. Великанова, И.В. Художественный конфликт и особенности сюжетостроения в прозе Б. Екимова / И.А. Великанова // Вестник ВолГУ. – 2007. – Серия 8. Вып. 6. – С. 169–176.
8. Великанова, И.В. Автор и герой в прозе Б. Екимова / И.А. Великанова // Вестник ВолГУ. – 2011. – Серия 8. Вып. 10. – С. 46–54.
9. Великанова, И.В. Поэтика прозы Б.П. Екимова : дисс. ... канд. фил. наук / И.В. Великанова. – Волгоград, 2004. – 28 с.
10. Галимова, Е.Ш. К вопросу о методологии исследования локальных (городских и региональных) литературных текстов (на примере Северного текста русской литературы) / Е.Ш. Шалимова // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX – XX вв.). Серия «Универсальные культуры». Вып. VI: / отв.ред. Н.В. Ковтун. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 379 с.

11. Гальцева, Р.А. Очерки русской утопической мысли 20 века / Р.А. Гальцева. – М, 1992. – 125 с.
12. Гарипова, Г.Т. Логика и динамика развития русского литературного процесса конца XX – начала XXI века: тенденции и перспективы / Г.Т. Гарипова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 20 (311). Филология. Искусствоведение. – Вып. 79. – С. 36-40.
13. Геллер, М. Утопия в России / М. Геллер, М. Нике. – Санкт-Петербург: Гиперион, 2003. – 310 с.
14. Долгина, Е.С. Проблемы культуры в русской литературной утопии XIX-XX веков / Е.С. Долгина. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитар. ун-та, 2009. – 111 с.
15. Дудинских, О.В. Импрессионистское начало в малой прозе Б.П.Екимова / О.В. Дудинских // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015. – №2 (44). – С. 87-91.
16. Екимов, Б.П. Пастушья звезда / Б.П. Екимов. – М, 1984.
17. Екимов, Б.П. Пиночет, повесть / Б.П. Екимов. – Новый мир, 1999. – №4.
18. Екимов, Б.П. Холюшино подворье / Б.П. Екимов. – М, 1984.
19. Златопольская, А.А. Потерянный рай естественного состояния и утопия состояния гражданского (Ж.-Ж. Руссо и утопизм в России XVIII-XIX вв.) / А.А. Златопольская – СПб., 2003. – С. 163-170.
20. Каракан, Т.А. О жанровой природе утопии и антиутопии / Т.А. Каракан // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1992. – №2. – С. 157–160.
21. Ковтун, Н.В. Идеи и образы гностической мифологии в контексте Утопии соцреализма / Н.В. Ковтун // Вестн. ТГУ: Бюллетень оперативной научной информации. – 2003. – № 16. Декабрь. – С. 69-88.
22. Ковтун, Н.В. Утопические мотивы в традиционной прозе / Н.В. Ковтун // Вестн. ТГУ: Бюллетень оперативной научной информации. – 2003. – № 16. Декабрь. – С. 88–128.

23. Ковтун, Н. В. Патриархальный миф в традиционалистской прозе рубежа XX–XXI веков / Н.В. Ковтун // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 1. – С. 77–87.
24. Ковтун, Н.В. «Деревенская проза» в зеркале утопии. / Н.В. Ковтун ; Новосибирск: Издательство СО РАН, 2009. – 485 с.
25. Ковтун, Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века / Н.В. Ковтун ; Москва: Издательство «ФЛИНТА», 2019. – 352 с.
26. Ковтун, Н.В. Русская традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика: Учеб. Пособие / Н.В. Ковтун. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – 352 с.
27. Ковтун, Н.В. Утопия соцреализма и гностицизм. К постановке проблемы / Н.В. Ковтун // Европейские исследования в Сибири: Материалы Всероссийской науч. конф. «Мир и общество в ситуации фронта: проблемы идентичности». – Томск, 2004. – Вып. 4. – С. 247-265.
28. Ковтун, Н.В. Современная традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика: учеб. пособие / Н.В. Ковтун. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – 352 с.
29. Кожевникова, С.В. Творчество Б. Екимова: динамика «деревенской прозы» последней трети XX века : дисс. ... канд. фил. наук / С.В. Кожевникова. – Магнитогорск, 2002. – 28 с.
30. Кольчикова, Н.Л. Приемы изучения регионального художественного текста в школе / Н.Л. Кольчикова // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. – 2020. – №2. – с.126-131.
31. Кольчикова, Н.Л. Приемы изучения регионального художественного текста в школе / Н.Л. Кольчикова // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. – 2020. – №2. – с.128
32. Котлов, А.К. Современная «традиционная» русская проза: некоторые аспекты эволюции / А.К. Котлов // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2011. – № 2. – С. 141-145.

33. Крикливец, Е.В. Жанрово-стилевая модификация русской и белорусской реалистической повести в контексте «деревенской прозы» / Е.В. Крикливец // Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 162-166.
34. Ланин, Б.А. Русская литературная антиутопия / Б.А. Ланин. – М., 1993. – 166 с.
35. Лейдерман, Н.Л. Движение времени и законы жанра: Жанровые закономерности развития советской прозы в 60 - 70-е годы / Н.Л. Лейдерман. – Свердловск, 1982. – 458 с.
36. Лейдерман, Н.Л. Жанровые системы литературных направлений и течений / Н.Л. Лейдерман // Взаимодействие метода, стиля и жанра в советской литературе. – Свердловск, 1988.
37. Лейдерман, Н.Л. Теория жанра / Н. Л. Лейдерман; Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: УРГПУ, 2010. – 904 с.
38. Лейдерман, Н.Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – Т. 2. – С. 63.
39. Лукьянчикова, Н.В. Художественная репрезентация образа отца в повести Б. П. Екимова «Предполагаем жить» / Н.В. Лукьянчикова, Н.В. Киселева // Мир русскоговорящих стран. – 2023. – № 4 (18). – С. 103-115.
40. Маркович, В.М. Вопрос о литературных направлениях и построении истории русской литературы XIX века / В.М. Маркович // Освобождение от догм. История русской литературы: Состояние и пути изучения. – М., 1997. – Т. 1. – С. 243–244.
41. Мартынов, Д.Е. К рассмотрению семантической эволюции понятия «утопия» (XXв.) / Д.Е. Мартынов // Вопросы философии. – 2009. – №10. – С. 156.
42. Мокрова, М.В. Жанр рассказа в творчестве Б.П. Екимова: традиции и новаторство : дисс. ... канд. фил. наук / М.В. Мокрова. – Москва, 2003. – 26 с.

43. Овчинникова, Л.В. Русская литературная сказка XX века: История, классификация, поэтика / Л.В. Овчинникова. – М.: Флинта, 2003. – 311 с.
44. Подлубнова, Ю.С. Жанр и метажанр: к проблеме разграничения / Ю.С. Подлубнова. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005.
45. Померанцев, В.М. Об искренности в литературе / В.М. Померанцев // Новый мир, 1953. – № 12. – С. 218-245.
46. Саськова, Т.В. Жанровые модификации прозаической пасторали в русской литературе рубежа XX-XXI вв. Метаморфозы жанра в современной литературе: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Соколова Е.В.; Сост.: Пахсарьян Н.Т., Ревякина А.А. – М., 2015. – 262 с. – (Сер.: Теория и история литературоведения).
47. Саськова, Т.В. «И сияла им серебряная пастушья звезда...»: русская прозаическая пастораль эпохи перестройки / Т.В. Саськова // Человек: образ и сущность. – 2011. – №9. – С. 85-106.
48. Смирнова, А.И. Русская новеллистика конца XX века: концепция человека и жанр русистики и компаративистика / А.И. Смирнова, А.В. Макарова // Русистика и компаративистика. – 2012. – №2. – С. 105-115.
49. Смирнова, А.И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века / А.И. Смирнова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 258 с.
50. Солженицын, А.И. Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000 г. / А.И. Солженицын // Новый мир. – 2000. – №5. – С. 2-4.
51. Старикова, Е. Искания современной «деревенской прозы» 1980-х годов. Поэтика писателя и литературный процесс: сборник научных трудов / Е.И. Старикова. – Тюмень, 1988.
52. Тагильцев, А.В. Борис Екимов: новации и традиции в «деревенской прозе» / А.В. Тагильцев // Молодой ученый Международный научный журнал. – 2022. – № 22 (417). – С. 594-596.
53. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического / В.Н. Топоров. – М.: Прогресс – Культура, 1995. – 274 с.

54. Утешева, А.И. горит над головою самая яркая, Пастушья, звезда: образ главного героя и способы его создания в повести Б.П. Екимова «Пастушья звезда» / А.И. Утешева // Литературно-художественный иллюстрированный журнал «Отчий край». – 2023. – №3(119). – С. 98-103.
55. Фаустов, А.А. О «Первичном» и «Вторичном» авторах в понимании М. М. Бахтина / А.А.Фаустов // Новый филологический вестник – 2005. – №1. – С. 182–188.
56. Холодкова, Е.К. Концепция национального характера в прозе В.П. Астафьева, В.Г. Распутина и Б.П. Екимова 1990-х – начала 2000-х гг. : дисс. ... канд. фил. наук / Е.К, Холодкова. – Москва, 2009. – 22 с.
57. Чернышева, Т. Русская утопия / Т. Чернышева. // Сибирь. – 1990. – № 6. – С. 118-127.
58. Чернышева, Т. Природа фантастики / Т. Чернышева. – Иркутск, 1984. – 331 с.
59. Черткова, Е.Л. Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) / Е.Л. Черткова // Вопросы философии. – 2001. – № 7. – С. 47-58.
60. Шацкий, Е. Утопия и традиция / Е. Шацкий. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.
61. Шестаков, В.П. Утопия как проблема российской ментальности / В.П. Шестаков // Научный журнал Санкт–Петербургского отделения Российского института культурологи. – 2012. – №4(9). – С. 6-9.